

Альманах

ДИСКУРСЫ ЭТИКИ

Выпуск 3, 2013

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2013

Редакционная коллегия:

Перов В. Ю., Артемов Г. П., Овчинникова Е. А., Гусев Д. А.

Ответственный редактор: Д. А. Гусев

ISSN 2306-9430

Дискурсы этики. Альманах: Выпуск 3 (3) / Под ред. В. Ю. Перова. — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. — 87 с.

Альманах посвящен вопросам теоретической и прикладной этики, охватывает широкий круг тем: от биоэтики до профессиональной этики, от истории этики до актуальных этических исследований.

Издается с 2012 г. Выходит 4 раза в год
(в электронном и печатном форматах: 3+1).

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
199034, Санкт-Петербург,
Менделеевская линия, д. 5, ауд. 104а

Кафедра этики
тел.: 8 (812) 328 94 21 (1843)
e-mail: ethics@philosophy.spbu.ru
<http://ethics.philosophy.spbu.ru>

© Коллектив авторов, 2013
© Кафедра этики СПбГУ, 2013
© Издательство РХГА, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

История этики

Этика и/или моралеведение?
Бондаренко Л.И., Перов В.Ю.7

Русская этическая мысль XVIII века: нравоучительная
составляющая
Ковалева Т.В. 17

Прикладная этика

Особенности развития корпоративной социальной
ответственности в России
Гусев Д.А. 33

Информационные ресурсы в современном образовательном
процессе в России: морально-правовой аспект
Сергеев А.С. 49

Этические проблемы корпоративной социальной ответственности
(КСО) в условиях конкурентной экономики
Стребкова О.А. 63

Профессиональная этика

Концептуализация трудовой морали: методологический анализ
Бондаренко Л.И., Овчинникова Е.А...... 75

Преодоление принуждения к труду через систему институализация
нравственных принципов
Ковалева А.С., Ларионов И.Ю. 81

Рецензии и обзоры

Российско-германский семинар «Семен Людвигович Франк:
немецкий контекст русской философии». Обзор конференции
Малинов А.В., Овчинникова Е.А. 95

ИСТОРИЯ ЭТИКИ

I

ЭТИКА И/ИЛИ МОРАЛЕВЕДЕНИЕ?*

Л.И. Бондаренко, В.Ю. Перов

Предлагаемая статья представляет попытку современной рефлексии по поводу дискуссии, развернувшейся более тридцати лет назад в журнале «Вопросы философии» (1982г., №2) и вызванной публикацией статьи Ефимова В.Т. «Этика и моралеведение. Полемические заметки». В ходе анализа было показано, что вопросы, связанные с возникновением и существованием прикладных этик, особенно в контексте их теоретического обоснования, соотношения с философией морали по-прежнему остаются актуальными. В статье показано, что несмотря на специфику прикладных этик и их междисциплинарный характер, в их основе лежит именно философская этика.

Область прикладного этического знания стала активно формироваться в России еще в советское время. Это было обусловлено необходимостью эффективной регуляции нравственных отношений в разных сферах общественной жизни и идеологией, лежащей в основании того типа государственного устройства. Поскольку марксизм основывался на новоязном типе рациональности, постольку идеологическая доктрина полагала, что нравственность под влиянием идеологии должна формироваться целенаправленно, как масштабный социальный проект. Перед этикой встала задача не только исследования философских аспектов возникновения, формирования и функционирования морали, но и разработки прикладного знания, специфических методов воздействия на личность и общество, с помощью которых, наряду с изменениями в формах собственности, можно было бы трансформировать всю систему нравственных отношений. Новый тип этих отношений разрабатывался и расценивался как альтернативная модель нравственности, которая должна была конкурировать с буржуазной моралью, демонстрируя пре-

* Грант РНГФ 12-03-00505.

восходство своих возможностей в сфере саморегуляции поведения личности. Кроме всего прочего, существовавший тип государственного устройства нуждался в моральной легитимации своего существования. Поставленная задача не имела готовых решений в истории науки и социальной практике. Её поэтапная реализация требовала разработки особой области знания - прикладной этики.

В 70-е годы прикладная этика становится постоянным предметом обсуждения на многочисленных научных семинарах и круглых столах. Это дискуссионное поле было организационно оформлено созданием Проблемного Совета по этике при Философском обществе СССР. Многие заседания Совета, круглые столы и конференции с участием этиков из разных городов страны и социалистических стран были тематическими и включали широкий спектр проблем развития прикладной этики и её значения в общественной жизни. Трудно переоценить роль в этом процессе сектора этики Института философии Академии наук, кафедр этики ведущих университетов страны, тюменской и владимирской этических научных школ. В ходе дискуссий были поставлены многие важные теоретические и практические вопросы прикладного характера. Сегодня можно только сожалеть о том, что отсутствие в то время технических средств не позволило записать выступления дискутирующих сторон во всей полноте, но важно отметить, что суть их отразилась в авторских публикациях, университетских лекционных курсах по этике, статьях журнала «Вопросы философии». Обсуждалась специфика прикладной этики, её предмет, понятийный аппарат, место и роль, как в структуре этики, так и в нравственной жизни страны.

Своеобразным катализатором полемики о специфике прикладной этики стала позиция Ефимова В.Т., изложенная в статье «Этика и моралеведение. Полемические заметки». Автор указывает на проблемы нравственности, стоящие перед обществом и невозможность решения этих проблем попытками «...«втиснуть» всё многообразие проявлений нравственности в систему этических категорий, оперируя лишь ими для получения любых конкретно-теоретических знаний

о нравственности»¹. Отсюда, по мнению автора, возникает необходимость пересмотра предмета этики, её содержания с целью выделения особой прикладной области. В статье не подвергается сомнению тот факт, что этика – философия морали и область философского знания, но «это в лучшем случае способно служить предпосылкой для научно-этического исследования морали»².

Важно отметить, что позиция Ефимова В.Т. не была кардинально новой, что признавалось и им самим. Подобные идеи излагались и ранее, например, авторами болгаро-советского сборника «Предмет и система этики»: «Большинство же участников дискуссии высказывали свою приверженность традиционной позиции о необходимости сохранения этики в лоне философского знания. При этом, правда, предлагались и паллиативные решения: мол, у той и другой точки зрения есть свои преимущества, а потому из них должна быть «сконструирована» общая направленность этических исследований; или, признавая правомерным в принципе выделение этики в самостоятельную науку, объявлялось, что сейчас еще этика недостаточно для этого созрела; высказывались также соображения о необходимости подразделения этики на общую философскую теорию и нефилософские частно-этические научные дисциплины (история моральных форм, этическая этнография, этическая дидактика, управление нравственными процессами при социализме, профессиональная этика и т. д.). При этом справедливо обращалось внимание на растущую актуализацию исследований нефилософской проблематики, связанной с применением частно-научных знаний (антропологии, этнографии, социальной психологии, психологии личности и т. д.), указывалось, что, раскрывая специфику различных сторон проявления морали, они способствуют выявлению типичного в моральных отношениях (в социальной группе, семье, профессии), устанавливают эмпирические зависимости между моральными явлениями,

¹ Ефимов В.Т. Этика и моралеведение. Полемические заметки // Вопросы философии. 1982. № 2. С. 68.

² Там же.

причины девиантных действий и пути их устранения, помогают разработке эффективных методов социальной регуляции человеческой деятельности посредством использования моральных факторов...»³. В связи с этим Ефимов В.Т. употребляет термин «моралеведение»⁴, полагая, что «...в моралеведении должна быть сосредоточена вся система нефилософских знаний о морали, то есть знаний конкретно-теоретического характера, которое сможет стать действительной теорией морали – наукой, изучающей генезис, структуру, функции морали, закономерности развития нравственности, взаимодействие общественной и индивидуальной морали. Уже данный круг проблем нацеливает моралеведение на исследование многих комплексных, междисциплинарных вопросов, требующих совместных усилий специалистов различных отраслей обществоведения: экономистов, правоведов, искусствоведов, социологов и т. д. (особенно для изучения проблем функционирования общественной морали), а также представителей других сфер знаний о человеке: антропогенетиков, психологов, физиологов, медиков и т. д. (прежде всего в исследованиях вопросов функционирования индивидуальной морали)»⁵. С такого рода рассуждений по сути дела началось

³ Ефимов В.Т. Этика и моралеведение. Полемические заметки // Вопросы философии. 1982. № 2. С.68.

⁴ Следует отметить, что появление неологизма «моралеведение», с одной стороны, было авторской идеей, поскольку в указанной статье проводится аналогия с эстетикой как философской наукой и искусствоведением, с другой стороны, отражает терминологические споры в зарубежной этике. Начиная с 60-х годов XX века несколько названий «боролись» друг с другом: прикладная этика, практическая философия, практическая этика и ряд других. Считается, что «победа» прикладной этики (applied ethics), связана с выходом получившей широкую известность работы Сингера П. (Singer P. Applied Ethics. 1986). Но дискуссии не прекращаются до сих пор. В 1993 тот же Сингер П. публикует книгу под названием «Практическая этика» (Practical Ethics). «Практической этикой» (2003) назван и известный оксфордский учебник по современным этико-прикладным проблемам.

⁵ Ефимов В.Т. Этика и моралеведение. Полемические заметки // Вопросы философии. 1982. № 2. С.69.

отечественное формирование самостоятельного научного блока прикладной этики как области междисциплинарного знания о нравственности. Следует отметить, что опубликованные в этом же номере статьи участников дискуссии при всей благожелательности, достаточно скептически отнеслись к высказанным мыслям⁶. В предельно общем виде (несмотря на теоретическое разнообразие высказанных суждений), суть возражений сводилась не к отрицанию идеи формирования «моралеведения» («прикладной этики», если использовать современную терминологию), а к неприятию идеи об отделении «моралеведения» от философии (со всеми оговорками, присутствующими в тексте Ефимова В.Т., но которые не меняли существа дела). Именно вопрос о соотношении философской и «позитивной» этик оказались в центре внимания развернувшейся дискуссии. Не имея возможности подробно рассмотреть всю полноту представленной аргументации, которая заслуживает отдельного исследования, хотелось бы в качестве своеобразного «мысленного эксперимента» принять участие в данной дискуссии. Он представляется теоретически интересным, учитывая, что, во-первых, за прошедшее время право на существование прикладных этик («моралеведения») мало у кого вызывает сомнения, во-вторых, вопросы о соотношении философской и прикладных этик по-прежнему являются существенной частью этического дискурса⁷.

Говоря о современных тенденциях, существующих в этическом знании, то, с одной стороны, можно наблюдать

⁶ См.: Дискуссия (по статье В. Т. Ефимова «Этика и моралеведение») // Вопросы философии. 1982. № 2 (статьи: Архангельский Л.М. «Этика или моралеведение?»; Гусейнов А.А. «Этика – наука о морали»; Шердаков В.И. «Этика и нормативность»; Согомонов Ю.В. «Этика и теория нравственного воспитания»; Титаренко А.И. «Предмет этики: основания обсуждения»).

⁷ В качестве примера можно привести журнал «Ведомости Прикладной этики» НИИ Прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета (42 выпуска с 1995 г.), содержание номеров которых можно объединить общим вопросом: «Что такое прикладная этика и каковы ее взаимоотношения с этикой философской?».

постоянное расширение сферы относительно самостоятельных по отношению к философской (теоретической) этике прикладных и профессиональных этик, вовлекая в свою сферу все большее число проблем, которые начинают трактоваться как этико-прикладные, с другой стороны, развитие этического знания, способ его современного существования, требует все большей «практичности» в том смысле, что этика (как философская и теоретическая дисциплина) должна не только исследовать собственный традиционный круг вопросов, что есть этика, мораль, нравственность, добро, зло, добродетель, порок, справедливость, честь, достоинство и т.д., но и давать ответы на возникающие сложные проблемы существования человека и общества, иными словами, отвечать на вопрос «как жить?»⁸. Иными словами: Как с этической точки зрения следует правильно (должно) поступать в той или иной жизненной ситуации? Какие способы взаимоотношений между людьми являются нравственно правильными или неправильными (добродетельными или порочными)? Каковы критерии морального выбора в сложных личностных ситуациях или в отношении этически значимых социальных явлений? Если философская этика не пытается ответить на эти и подобные вопросы (или, по крайней мере, своими теоретическими построениями и рефлексиями не дает возможность делать самостоятельные выводы), то она теряет статус практической философии, которое закрепилось за ней начиная с Аристотеля), ее результаты оказываются минимально востребованными со стороны отдельных людей и общества. Потребность в этическом осмыслении практической жизни оказывается актуальной, поскольку динамизм социальных, и, особенно, технологических изменений, характерных для современного общества, создает ситуацию, когда выработанные за историю человечества моральные нормы и ценности как основания морального выбора и способа реше-

⁸ Подобного рода тенденции схожим образом имеют место и в отношении научного знания вообще, когда даже от фундаментальных наук требуют ответа об их практической применимости.

ния моральных проблем оказываются «недостаточными». Данное утверждение не означает, что все предшествующие представления о нравственности должны «быть сброшены с парохода современности» как призывали российские радикальные футуристы начала XX века. Проблема, как теоретическая, так и практическая, состоит в том, что многие возникающие проблемы не существовали в предшествующие исторические эпохи, а значит и не имели своего этического осмысления. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: клонирование, трансплантация органов, искусственное оплодотворение, нанотехнологии, ядерная энергетика, информационные технологии и т.д. – это все феномены современности и для решения возникающих в связи с ними нравственных проблем требуется или переосмысление «традиционных» моральных представлений, или выработка новых моральных норм и ценностей, что оказывается в центре внимания существующих прикладных этик.

Возникновение относительно самостоятельных по отношению к философской (теоретической) этике прикладных этик в середине XX имело своим источником не только социальные и технологические реалии, но и своеобразие ситуации, сложившейся в моральной философии. Доминирование в западной (широком смысле) философской этике методов логико-лингвистического анализа фактически привело к тому, что этика во многом оказалась «замкнутой сама на себя», во многом превратившись в «этику для этиков». Не вызывает сомнений, что указанная традиция во многом обогатила (и продолжает обогащать) этическое знание, но со временем существовавшие этические концепции в рамках метаэтики и аналитической этики в очень малой степени могли дать ответы на быстро меняющуюся социально-культурную ситуацию, на появление новых наукоемких технологий, на возникающие процессы и явления, бросающие вызов сложившимся устоям жизни человека и общества. Не реагировать на возникающие проблемы и не искать на них ответы было невозможно, поскольку в «расширительном смысле» любые этические ответы есть ответ на вопрос «как жить». Конечно, было бы неправильным утверждать, что представители метаэтики и аналитической этики отрицали необходимость «выхода» этико-теоретических рассуждений

в практику. Показательной в данном контексте может быть позиция Р.М.Хеара: «Дело в том, что когда нас просят насколько возможно полно оправдать какое-либо решение, мы должны изложить как его последствия, чтобы наполнить его содержанием, так и принципы, а так же общие последствия соблюдения этих принципов, и так далее, пока спрашивающий не будет удовлетворен. Таким образом, полное оправдание решения включало бы в себя полный отчет о его последствиях, а так же полный отчет о принципах, которых оно придерживалось, и о последствиях соблюдения этих принципов, поскольку, конечно же, именно последствия (в которых фактически выражаются их соблюдение) наполняют содержанием и сами принципы. Следовательно, когда от нас настойчиво требуют полного оправдания того или иного решения, мы должны дать полное и подробное описание того образа жизни, частью которого оно является»⁹. Проблема в том, что чаще всего до практических следствий «дело не доходило» (по крайней мере до второй половины XX века), поскольку все силы «уходили» на предварительный логико-лингвистический анализ, которым в большинстве случаев и ограничивались данные исследования.

В качестве реакции на такое состояние философских исследований моральных явлений, возникает «особая» прикладная этика, которая в начале своего существования по сути дела воспроизводит в отношении этики лозунг первого позитивизма XIX века («каждая наука сама себе философия») – «каждая профессия сама себе этика». В результате возникает идея о том, что поскольку никакая метафизическая (философская) этика невозможна, а какие-то этические правила поведения, тем не менее, нужны (например, для устойчивости отношений между людьми), то следует ограничиться изучением и формулированием чисто регулятивных стандартов поведения, применимых в различных областях человеческой жизни¹⁰. И действительно, собственно прикладную этику

⁹ Цит. по: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. С. 86–87.

¹⁰ См. выше идею Ефимова В.Т. о том, «...в моралеведении должна быть сосредоточена вся система **нефилософских** [выделено нами – Бондаренко Л.И., Перов В.Ю.] знаний о морали».

как относительно самостоятельную область исследований и практик первоначально развивали представители соответствующих профессий и наук (биоэтику – биологи и медики, этику науки – ученые, этику права – юристы, этику бизнеса – предприниматели и т.д.) Возможно, именно поэтому до сих пор не прекращаются и остаются актуальными споры о том, кто должен заниматься прикладной этикой: профессионалы-практики в соответствующих областях и/или «философы этики»? При этом, особенно на ранних этапах ее развития господствовала точка зрения, что моральные рассуждения, способы аргументации и принятия решений в области прикладных этик и соответствующие профессионально-прикладные этические практики основаны на своеобразных «моральных интуициях» обыденной нравственности и не требуют обращения к этико-философским концепциям. Подобного рода мировоззренческие установки так же во многом есть «наследие» позитивистской метаэтической и аналитической традиций. Ее истоки находятся в знаменитой «гильотине Юма», которая, будучи осмысленной в этике XX века в виде тезиса о невозможности выведения ценностных и нормативных суждений из фактических, привела к идее об отказе от попыток построения нормативной этики (к которой можно отнести большую часть философских теорий морали), и требованию создавать исключительно позитивную (описательную) этику, которая ограничивается изучением и обобщением существующих моральных норм, ценностей и представлений.

В значительной степени эта идея повторила судьбу установки позитивизма об избавлении от всех философско-метафизических идей, т.е. обнаружилось, что обоснование норм и ценностей в рамках таким образом построенных прикладных этик если не невозможно, то, по крайней мере, очень затруднительно. Описательно ориентированные прикладные этики, начиная с, казалось бы, очевидных и интуитивно понятных моральных представлений (добро, долг, ценность, справедливость и т. д.), наполняют их содержанием философских и теоретических построений этической науки. Исследователи в области морального мышления пришли к выводу о своеобразной зависимости уровней морального мышления. Пока-

зательна в этом отношении эволюция взглядов упомянутого выше Хеара Р.М., который пришел к выводу о многоуровневой структуре морального языка, причем нормативное моральное мышление, которое в его концепции выступает как один из уровней, в свою очередь подразделяется на *критический* и *интуитивный* уровни. Принципиальным оказывается то, что кажущиеся самоочевидными (*prima facie*) положения интуитивного уровня обыденного морального сознания не являются самостоятельными: «Этот уровень мышления [интуитивный. – В.П.] не может быть (как это обычно предполагают интуиционисты) основанным на самом себе; здесь необходим критический уровень мышления, при помощи которого мы отбираем *prima facie* принципы для использования на интуитивном уровне, разрешаем конфликты между ними и даем их системе в целом оправдание, которое интуиция сама по себе никогда не сможет предоставить»¹¹. И этот «критический» уровень, как форма рациональной рефлексии, находит свое максимальное выражение именно в теоретических концепциях философии морали. С другой стороны, тот вызов, который был брошен возникновением прикладных этик, привел к тому, что философия морали вынуждена в большей или меньшей степени переориентировать характер своих исследований, если не буквально формулировать, то подразумевать «выходы» в нравственно-практическую жизнь человека и общества, а так же создавать теоретические предпосылки для обоснования решений актуальных моральных проблем.

¹¹ Hare R.M. Justice and Equality // Justice and Economic Distribution / Edited by John Arthur and William Shaw. Prentice-Hall, 1978. P. 116.

РУССКАЯ ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ XVIII ВЕКА: НРАВООУЧИТЕЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ*

Т.В. Ковалева

В статье речь идет о формировании моральных ценностей разных слоев дворянского общества XVIII века через авторское восприятие. Моралистическая литература этого периода направлена на воспитание молодежи в русле новых реформ и европейских взглядов. При всем этом, русские писатели разрабатывали новые кодексы чести сообразно своему видению гражданского долга, профессиональной приверженности, национального единства и других важных на тот период этических принципов. Представленный фактический материал дает объективное представление об этом важном процессе формирования этической мысли в русской культуре и литературе.

Этическая мысль в России формировалась на всем протяжении Средневековья. Это был исторически неоднородный период, который складывался под воздействием внешних и внутренних факторов. Американский славист Дин Ворт, исследуя литературную традицию Киевской Руси, пишет о ней так: «Среди них (литературных произведений) нет ни Гомера, ни Платона, ни Аристотеля, и даже религиозная литература была больше ориентирована на установку правильной монастырской жизни, чем на серьезные теологические или философские размышления»¹. Литература, пришедшая из Византии и Болгарии, имела моралистско-воспитательный характер и была направлена на формирование общества с общими православными традициями и ценностными ориентациями, характерными для общеславянского мира. «Чтобы удержать единство, требовались высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верность, самоотверженность, развитое

* Статья выполнена по гранту РГНФ No. 12-03-00550.

¹ Worth D. The Cambridge companion to modern Russian culture / edited by Nicholas Rzhevsky. Oxford, 1998. P. 55.

патриотическое сознание и высокий уровень словесного искусства – жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране...»². Русские литературные памятники (Повесть временных лет, Киево-Печерский патерик и т.д.), имея в своем составе разноплановые по жанровым характеристикам произведения, в идейном плане построены на православных догмах. Причем те, которые посвящены Богу, оставались основными и непреложными, и соблюдение их было равно для всех членов русского общества. А вот остальные догмы ратируются в зависимости от субъективного авторского взгляда на злободневные общественные проблемы. В древнерусском обществе каждый человек не мог ощущать себя вне общества, сознание было синкретично. Лотман писал, что на Руси человек воспринимался только в принадлежности к семье или клану, поэтому воздаяние за содеянное возлагалось на всю семью или клан. В таких условиях общественная мораль превалировала над личной. В основе лежала идея морального объединения русского общества через религиозное сознание и национальное единство. И только с XV в. в период «неудавшегося Возрождения»³ под влиянием исихастов и культурно-исторических условий начала формироваться личная мораль, которая так же находилась в рамках религиозной мысли.

Несмотря на то, что XVIII век стал подготовительным этапом для становления и формирования русского литературного языка, литературы, философии, изменение ценностных ориентиров происходило постепенно, как некое понимание образного понятия «слома сознания». Основная просветительская идея того периода состояла в популяризации родной речи и создании нового, русского философского языка. Зеньковский так определяет этот период: «...рост церковного сознания ведет постепенно к тому, что в его недрах открывается простор для философской мысли, исходящей из христианских принципов, но свободной в своем творчестве, в искании истины. С другой стороны, этот же процесс,

² Лихачев Д.С. О филологии. М.: Высшая школа, 1989. С.140.

³ По Лихачеву Д.С.

как было указано выше, идет и вне Церкви и независимо от нее, иногда даже и в сознательном противопоставлении себя церковному сознанию: рождается светская культура, открывающая простор для «мирских» интересов и развлечений»⁴. Этот культурно-исторический процесс находит отражение в произведениях русских мыслителей этого периода, которые пробовали свои силы в разных жанрах, и спектр освещаемых ими вопросов был очень разнообразен. Секуляризация внутрицерковного сознания шла без разрыва с Церковью.

Григорий Сковорода (1722-1794) один из первых и значимых мыслителей России. Исследователь творчества Сковороды Эрн отмечает его осведомленность в области античной философии, а также западных Отцов Церкви, но при этом определенную свободу от влияния и тех, и других. В стихах Сковорода размышляет о жизни и смерти, счастье и моральном долге перед Богом, о смысле жизни. Особый интерес вызывают басни, где у автора появляется особый взгляд на моральное поведение человека. Аскетизм как разумность жизни и моральная чистота поведения становится основной идеей автора. Он провозглашает его «истинной жизнью». В басне «Кукушка и Косик» это понятие раскрывается через воспитание подрастающего поколения, о котором надо заботиться и вкладывать правильное понимание жизни. «Страх господен возвеселит сердце. Оно, как только начнет возводить к нему мысли свои, вдруг оживляется, а бес скуки и уныния, как прах ветром возметаемый, отбегает. Все мы не ко всему, а к сему всяк добрый человек родился. Счастлив, кто сопряг сродную себе частную должность с общею. Сия есть истинная жизнь. И теперь можно разуметь следующее Сократово слово: «Иные на то живут, чтоб есть и пить, а я пью и ем на то, чтоб жить».⁵ Из примера видно, что средневековое моральное сознание сохраняется в понимании божественной воли в судьбе человека как высший суд и совесть. Лень – источник всех бед, такое мнение можно встретить буквально во всех

⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Париж, 1948. С. 57.

⁵ Сковорода Г. Сочинение в двух томах. Т.1. М., Из -во «Мысль», 1973. С.93

поучениях (Ивана Грозного, Владимира Мономаха и т.д.). Но основным требованием к осуществлению «истинной жизни» является ценность общественной морали и превалирование ее норм и правил над личной. Совокупность этих понятий и есть «истинная жизнь». Подобно Симеону Полоцкому Г. Сковорода видит возможность достижения «истинной жизни» через воспитание. Это не случайно, поскольку оба они преподаватели-воспитатели. Полоцкий был воспитателем детей Алексея Романова, а Сковорода посвятил себя педагогической деятельности в Киево-Могилянской академии. Используя и переосмысливая знания в области античной философии, автор вносит современное понимание морального поведения человека. Это уже не чисто богословский взгляды на добродетельную жизнь как воплощение «чистой совести», а скорее уже философское осмысление этого понятия. Человек может иметь разные «природные склонности», но важно умение любить, быть честным и миролюбивым (басня «Колеса часов»). Ценность человеческой души измеряется не фамилией, богатством, чином, родством, «телесным дарованием» или науками, а лишь «сердцем, в мыслях согласное, и одинаковая честность человеколюбивой души, в двоих или троих телах живущая, сия есть истинная любовь и единство»⁶. «Идейное содержание «Басен Харьковских» определяется постановкой актуальных социально-этических проблем и решением их с позиций гуманизма»⁷. Морализаторство в баснях ориентирует читателей на душевное спокойствие и счастье путем преодоления «свокорыстных страстей».

XVIII век отличается определенными особенностями: с одной стороны, сильная интеграция западного влияния через насильственное насаждение иностранных традиций, вкусов, моды, языков, изменение нормативных требований и законодательных актов, а с другой – сильное тяготение к сохранению национальной культуры, религиозных традиций и т.д. Секуляризация русского общества не привела к моменталь-

⁶ Сковорода Г. Сочинение в двух томах. Т.1. М.: Из -во «Мысль», 1973. С.95.

⁷ Там же. С. 17.

ному изменению христианского сознания. Эта тенденция прослеживается у многих русских авторов и присутствует во всех жанрах. Известный государственный деятель, писатель Григорий Николаевич Теплов (1720–1779) оставил после себя немного произведений, которые создавались им в соответствии с его общественными и государственными интересами. Это юридические документы в виде докладных записок, размышления о профессиональных качествах специалиста, философский трактат, детская литература. Проблемы нравственного воспитания детей и молодежи для него были очень важны и актуальны. Он пишет трактат «Наставления сыну» (1768), который был посвящен его тринадцатилетнему сыну. По жанровым характеристикам это произведение можно отнести к традиционным русским поучениям. Этот жанр был очень популярен, так как имел морально-нравственную значимость в понимании преемственности поколений, а так же обладал автобиографическими признаками, поскольку принимал вид личного покаяния перед лицом смерти, как некий итог прожитой жизни. Поскольку отповедь содержала в себе и исповедь нравственная напряженность в нем возрастала, заставляя читателя вновь оценивать свою жизнь и поступки, сравнивая их с подобными нравоучительными текстами. Подобную смысловую нагрузку можно встретить в поучениях Владимира Мономаха, Ивана Грозного и пр. В XVIII веке этот жанр переосмысливается, и акцент ставится на воспитательную составляющую. Современная жизнь требовала новых подходов и взглядов на воспитание молодежи, причем возрастная планка снижается, а ответственность родителей за судьбу и карьеру своего ребенка возрастает. Петр I заложил основы морально-нравственного критерия в своем трактате «Юности чистое зеркало», по которым выстраивалась новая ценностная шкала как наглядное пособие по воспитанию «нового гражданина» для родителей и губернаторов. Это первый кодекс чести русского дворянина, в котором основой служит уважение к родителям и почитание их опыта и воли. При этом божественная и царская воли не упоминаются, но подразумеваются как непреложные. Понятие «уважения» приобретает уже расширенную трактовку. В его сферу попадают не толь-

ко родители, но окружающие молодого человека люди, в том числе даже недруги и слуги. Лень, праздность остаются источниками зла, которые толкают «младых людей» на постыдные поступки. Важно, что молодой дворянин должен быть эталоном морального поведения для людей низшего сословия: «каков игумен, такова и братия». «Честный отрок» может потерять свою честь, поддавшись соблазну пьянства. Пьянство и лень – самое большое зло в рамках общественной морали, по мнению автора.

Наставление Теплова, как и подобные моралистические произведения XVIII в., носят вид кодекса. Знакомство с европейскими рыцарскими кодексами чести оказало влияние на характер написания таких моралистических произведений. Особенностью наставления Теплова является проявление личностного отношения автора к адресату, проявление эмоционального состояния, попытка избежать менторского тона. В отличие от произведения Петра I, где правила и принципы общественной морали присутствуют в большей мере, Теплов основывается на основах личной морали. Очевидно, что христианские догмы остаются основой воспитания, однако автор понимает, что абстрактное понимание морального поведения не может служить примером, поэтому он сам становится примером для подражания своему сыну. Однако, оставаясь реалистом, Теплов осознает, что созданный им идеальный образ не соответствует реальным требованиям общества «в наш век таких людей мало». Учитывая этот факт, автор в форме доверительной беседы пытается не разочаровать молодого человека, призывая его к совершенствованию своей личности через преодоление страстей разумом.

Отражение морально-этических взглядов Теплова можно найти в другом его трактате «Рассуждение о врачебной науке, которую называют докторством» (1774 г.). В нем он рассуждает о профессиональном долге и предназначении врача. Практикующий врач, по его мнению, должен даже отказаться от научной карьеры ради благополучия и здоровья своего пациента. «Я сам, когда болен, люблю присутствие докторское. Они больных умеют утешать, и я готов у них спрашивать совета, а за то и дарить, но больше права им над собой не дозволю. Пу-

скай они меня одевают и прикрывают, ежели мне то надобно, и тому подобную холью надо мною больным ведут»⁸. Одним из первых Теплов разрабатывает принципы профессиональной этики для врачебной профессии. Для него важен профессионализм врача, когда умение должно быть подкреплено реальными знаниями и стремлением следовать выгоде больного, руководствуясь принципом эмпатии. В работе обозначены основные принципы медицинской деонтологии, которая требует действовать только во благо больного даже иногда в ущерб своим интересам и своему свободному времени.

В 1751 г. Г. Н. Теплов пишет свою работу под названием «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут, собраны и изъяснены Григорием Тепловым», в которой прослеживается переплетение сократовской традиции в платоновских произведениях и русских поучений, летописей. Это произведение в форме диалога между читателем и автором на общечеловеческие, нравственные и философские темы принадлежит новой жанровой традиции, в которой писали многие писатели XVIII века: М. М. Щербатов «Размышления о смертном часе», «Разговор о бессмертии души», Д. С. Аничков «Слово о превратных понятиях человеческих, происходящих от излишнего упования, возлагаемого на чувства», М. В. Данилов «Письма к приятелю», содержащие в себе краткие, но полезные и любопытства достойные для человека материи и т. д.

Теплов разрабатывает философскую терминологическую базу на русском языке или использует латинские термины с пояснениями на русском, используя иллюстративные примеры морально-этического характера. «И как у философов *negatio* т. е. отрицание или прекословие есть точно то, когда мы приписываем свойство вещи такое, которое крайне принадлежит ко взаимности, для того, что прекословлю я взаимно тому, чего не знаю и чего не понимаю, взявши в сравнение то, что знаю. Например приписываю человеку честному бесчестность. Я подлинно об нем уверен, что он

⁸ Теплов Г. Н. Рассуждение о врачебной науке, которую называют докторством. СПб., 1774. С. 14.

честен, а сказывают мне о нем такое свойство, которого в нем нет. Итак, я соравняю его добродетельные свойства а уме моем, да и говорю, что того в нем нет, что ему приписывают»⁹. Он размышляет о назначении философа в решении сложных научных проблем. По его мнению, философ должен иметь познания в математике, истории и философии, чтобы верно судить «степень в добродетелях и пороках по различию субъектов». Рассматривая научные проблемы в междисциплинарном ключе, Теплов постоянно обращается к Богу, как мерилу всего земного. «Следовательно, в науке философской все то заключается, что человека делает Богу угодным, монарху своему верным и услужным, а ближнему в сообщество надобным»¹⁰. Христианская мораль остается для него определяющей и ведущей в научной и философской карьере. Теплов готов использовать труды античных философов, однако для него очевидно, что «не ведавши Бога и христианского учения весьма свое философское учение на ином основании имели»¹¹, они были «сластолюбием сего жития прельщены». Автор развивает свою мысль, выдвинутую в наставлении сыну о том, что подобный альянс может состояться лишь благодаря правильному воспитанию. Идея «доброго» воспитания становится лейтмотивом всего произведения. «Христианская богословия есть наилучшая философия к воспитанию человеческому потому, что и философия прямая ничего иного не научит, как только, как разум несовершенный по природе, а воспитанием часто в крайнее заблуждение от истинности отведенный, выводит из предверений»¹². Человек может прожить без наук, но существо-

⁹ Теплов Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут// Альманах «Философский век. Христофор Вольф и русское вольфианство» № 3. Академия наук. СПб., 1998. С. 272.

¹⁰ Теплов Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут// Альманах «Философский век. Христофор Вольф и русское вольфианство» № 3. Академия наук. СПб., 1998. С. 212.

¹¹ Там же. С. 263.

¹² Там же. С. 212.

вать в обществе без «доброго» воспитания, вне христианского учения, он не сможет, поскольку разум его не будет приучен к пониманию добра и зла. Для Теплова наука приобретает смысл лишь тогда, когда «чрез посредство искусства своего и произвесть в народе пользу»¹³.

Терминологическая база XVIIIв., применяемая для обозначения нравственных категорий, в целом носит обобщенный характер. В произведениях моралистического толка можно встретить слово «сластолюбие», которое включает в себя ряд отрицательных понятий таких, как жадность, корыстолюбие, распущенность и т.д. Устойчивость и преемственность этого термина очевидна, поскольку русские писатели используют его в своих разно жанровых произведениях. У Г. Теплова в философском трактате люди, страдающие этим пороком не способны быть философами, поскольку только сочетание ума и морального облика позволяют быть таковыми. «Ибо в них многие, как мы выше видели, по природе недалекого ума люди, или ненавистники истины, или сластолюбием сего жития прельщены, или особливо высокомерностью разума своего надменны, так как не ведавши Бога и христианского учения весьма свое философское учение на ином основании имели, нежели мы»¹⁴. Подобно Теплову, известный русский поэт и филолог В. К. Тредиаковский обращается к проблеме «сластолюбия» и развивает эту тему в своей поэме «Тилемахида» (1766г.), которая является стихотворным переводом прозаического романа Фенелона «Похождения Телемака, сына Улисса». «Опытом я тут-познал, как слышал от Ментора часто, Что сластолюбцы всегда лишаются бодрости в бедствах...»¹⁵. Тредиаковский продолжает средневековую традицию создания поучений. Содержание и обращение к

¹³ Там же. С. 216.

¹⁴ Теплов Г.Н. Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут// Альманах «Философский век. Христофор Вольф и русское вольфианство» № 3. Академия наук. СПб., 1998. С. 263.

¹⁵ Тредиаковский В.К. Избранные произведения. Библиотека поэта. Из «Телемахиды» // http://az.lib.ru/t/trediakowskij_w_k/text_0170.shtml. От 1 августа 2013 г.

моральному облику правителя перекликается с воззрением Симиона Полоцкого. Оба этих автора видят проблему неправильного правления самодержца в «плохом» окружении, где сластолюбие является одним из самых тяжких грехов и сильным искушением. «Добрые» люди – скромны, честны, не умеют льстить, они не стремятся выделиться из числа сановников и придворных, поэтому их трудно заметить и оценить по достоинству. Царь обладает «мощью его самодержной единственно доброе делать; Связаны руки имеет он на всякое злое»¹⁶. Он не может поддаваться «сластолюбию», поскольку правитель – пример для подражания подданным, которые мало образованы и воспитаны. Автор прописывает моральные требования, которые он считает могли бы быть предъявлены «мудрому» правителю: вести трезвый образ жизни, жить скромно, соблюдать законы и отвечать перед законом, быть патриотом и защитником своей родины, добрым, разумным, счастливым, отвергать прелюбодеяние, не создавать себе кумиров и т.д. Интересно, что Тредиаковский по традиции начинает свое произведение посланием к сыну как певец «отцелюбного сына», а затем уже обращается к моральному облику царя.

Как и Тредиаковский, князь М.М. Щербатов задумывается над этой проблемой в своем трактате «О повреждении нравов в России» (1876-77гг.). Его произведение носит публицистический характер и написано оно в прозаической форме. Автор задумал свой трактат в форме размышления, поэтому его можно отнести к жанру мемуаристики. Использование абстрактного читателя в качестве собеседника для того периода было необычно, поскольку исповеди и поучения были направлены на конкретных собеседников. Чуть позже Радищев использует этот прием в своих произведениях. Размышления Щербатова на тему морального облика царя, его ответственности перед собой и обществом были восприняты вполне органично в отличие от наставлений Тредиаковского. Возможно, это было связано с единой со-

¹⁶ Там же.

циальной принадлежностью автора и его авторитетом при дворе. Он впервые предложил свое видение исторической предопределенности развития России, ее потери самоидентичности и самоопределения как уникальной культуры, принадлежащей к восточной и западной традиции одновременно. Он критикует реформы Петра I, которые, по его мнению, позволили обществу заразиться пороком «сластолюбия» из-за сильного увлечения царем всем иностранным. Щербатов стал родоначальником нового направления в литературе XIX в. – славянофильства. Большинство его размышлений были подхвачены и развиты славянофилами И.С. и К.С. Аксаковыми, А.С. Хомяковым и пр. «Стечение многих страстей может произвести такое повреждение нравов, а, однако главное их сих я почитаю сластолюбие. Ибо оно рождает разные стремительные хотения, а дабы достигнуть до удовольствия оных, часто человек ничего не щадит. В самом деле, человек, предавший себя весь своим беспорядочным хотением, и обожа внутри сердца своего свои охулительные страсти, мало уже помышляет о законе Божим, а тем меньше еще о узаконениях страны, в которой живет»¹⁷. Щербатов формулирует свое понимание патриотизма (любви к Родине) через строгое соблюдение установленных предками христианских моральных норм и правил, нарушение которых приводит к искушению человека различными удовольствиями. Его понятие аскетизма связано с понятием ограничения желаний, которые поглощают разум и ослабляют творческую силу. «Сластолюбие» – искушение человека. В понимании автора истоком этого порока служит иностранное влияние, которое затуманивает разум и искушает чувства. Размышляя об ответственности человека за свои поступки, Щербатов приходит к мысли, что большая власть, как возможная свобода действия, требует большой ответственности, особенно, когда речь идет о правителе. «Госу-

¹⁷ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России//Памятники культуры XVIII века. Im-Werden-Verlag. М., 2001. С. 7 // http://imwerden-wn.de/pdf/scherbatow_o_nrawach.pdf. от 01.08.2013.

дарю, одаренному добрым сердцем, естли может оно быть в человеке, не имеющем ни разума, ни нравов, ибо, впрочем, он не токмо имел разум весьма слабый, но яко и помешанный, погруженный во все пороки: в сластолюбие, роскошь, пьянство любострастие»¹⁸. Правитель всегда на виду, он служит примером для народа, поэтому и требования к его моральному облику и поведению должны быть высокими. И, если царь подает дурной пример, то «примеры таковые не могли не разлиться на весь народ, и повсюдова роскошь и сластолюбие умножились»¹⁹.

Продолжая традицию написания средневековых рыцарских кодексов, поэт, моралист Александр Петрович Сумароков создал свой кодекс чести дворянина. Надо сразу оговориться, что он был направлен на нужды «серединного дворянства» (определение Екатерины II). Конечно же, это не был в прямом смысле слова кодекс, скорее авторский взгляд на моральный облик дворянина, собранный из многочисленных разно-жанровых произведений моралистического толка. Почти в каждом своем произведении автор старается дать оценку тому или иному поступку, выявить пороки общества, недостатки воспитания. Например, в трактате «Къ добру или къ худу человекъ рождается?» автор подходит к анализу поступков человека с философской точки. Человек не может быть всегда нацелен только на добро, поскольку сам он соединяет в себе плохие и хорошие стороны. Исходя из этого умозаключения, автор приходит к мысли, что нельзя отказывать человеку в потенциальной возможности совершать благие поступки. Даже горький пьяница может подать милостыню нуждающемуся. Только через осознание себя и своих чувств можно полюбить человека. Идея Сумарокова перекликается с воззрением древнекитайского мыслителя Конфуция, который определял любовь и ненависть к человеку через понятие «человеколюбие», поскольку люди всегда нацелены друг на

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 33

друга. В этом трактате Сумароков приходит к выводу, что без морали люди перебьют друг друга. Очень маленький по объему трактат «О словѣ Мораль» содержит монолог автора, в котором он рассматривает «парадокс морали». Парадокс заключается в том, что проповедников Морали подчас мало заботят добродетели, скорее они преследуют свои цели, прикрываясь ею. Автор предъявляет особые требования представителям науки, как сынам отечества, а также профессионалам своего дела. В «О суетвѣрии и лицемѣрии» название профессий написаны с заглавной буквы (Философ, Полководец, Министр и т.д.), подчеркивая особую значимость и ответственность возложенную на них. Для науки важна душа ученого, чтобы своими трудами стать предметом подражания для потомков, поскольку они должны отдать свою жизнь без раздумий ради отечества. Для него важно лишь одно звание – «Человѣка просвѣщеннаго и полезнаго обществу». Для такого человека не годится «идолослужение», «любочестие», лесть, требование всяческих благ от общества, напоминание о своих заслугах. «...доброму человекѣ должно говорить истинну: или покрайней мѣрѣ, убѣгати отъ пристрастія и лицемѣрства, сколько разумъ и просвѣщеніе, помоществуя совѣсти, могутъ ево удерживаши во границахъ честности и благоразсужденія»²⁰.

Моралистическая литература XVIII века немногочисленна, однако благодаря ей именно этот исторический отрезок времени позволил сформировать фундамент для появления нового поколения людей, чьи жизненные идеалы были воспитаны на примерах, взятых со страниц книг этих авторов. Русские писатели этого периода ставили перед собой задачу освящать в своих произведениях негативные стороны русского общества, направлять на путь истинный молодежь, своим примером демонстрировать свою гражданскую позицию, которая всегда проявлялась как беззаветная любовь к Родине. Так гражданская позиция

²⁰ Сумароков А.П. Избранные произведения. http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_1787_o_sueverii_oldrfo.shtml. От 19.10.2013.

Щербатова воплалась в критике нравов царского двора и правителей, для Сумарокова – создание «кодекса чести дворянина» для своего социального круга. Стремление преодолевать лень, заблуждения и невежество общества, не боясь быть отвергнутыми этим же обществом – есть важная черта русских писателей и публицистов XVIII века. А.С. Пушкин высоко ценил гениальность своих коллег по перу и их вклад в формирование моральных ценностей. В своих произведениях он упоминает фамилии этих авторов, помещая их произведения в библиотеки своих героев наряду с известными всему миру писателями и философами Франции и Англии.

ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ*

Д. А. Гусев

В статье анализируется специфика развития форм корпоративной социальной ответственности в современной России. Основной акцент делается на понимании корпоративной ответственности в качестве благотворительности (филантропийной деятельности) компаний. Ключевая гипотеза автора заключается в том, что российский опыт корпоративной ответственности связан с явным, но не институционализированным разделением собственно корпоративной ответственности (также КСО отчетности) и социальной ответственности бизнеса, которая представлена преимущественно в виде благотворительных практик (от финансовой помощи и услуг pro bono до создания крупных операторов благотворительности).

1. Корпоративная социальная ответственность в фокусе интересов российского бизнеса и общества

Проблема корпоративной социальной ответственности (КСО) становится не просто актуальной темой в российском бизнес сообществе, она также начинает привлекать академические круги, занятые в исследованиях в области менеджмента, прикладной этики, институциональной экономики, права. За последние пять лет, прошедших с мирового экономического кризиса 2008 г., постепенно менялись стратегические цели и задачи бизнеса в России и за рубежом, причем это осознается как самим бизнесом, так и на уровне множества академических исследований¹.

* Статья подготовлена при поддержке грантов РГНФ № 12-03-00505; № 12-33-01296.

¹ Одним из примеров может служить коллективная монография: Корпоративная социальная ответственность: экономические модели – мораль – успех – устойчивое развитие / Под ред. А.Н. Крылова. М. – Берлин, 2013.

На сегодняшний момент концепция социальной ответственности бизнеса претерпела значительные изменения. Отечественный бизнес расширяет спектр своих интересов и действий – от чистой экономической выгоды до КСО и далее к корпоративной благотворительности и филантропии. Иными словами, сегодня в приоритеты бизнеса входят не только собственно экономические цели (и интересы собственников бизнеса соответственно), соблюдение законодательной базы, но также и «непрофильные» действия, связанные с тем, что сам бизнес осознает необходимость формирования новых плоскостей и векторов собственного развития. В лексикон крупных национальных и даже уже региональных компаний входит новая терминология: КСО, устойчивее развитие, комплаенс, антикоррупционные практики, прозрачность, этические стандарты, социально-ориентированный маркетинг, корпоративная благотворительность и т.п. Предполагается, что проблематика КСО в самом широком смысле сейчас является одним из самых актуальных прикладных этических вопросов в сфере менеджмента, планирования долгосрочных прибылей и устойчивого развития компаний.

Прежде чем мы приступим к рассмотрению ситуации с КСО в России, необходимо сделать предварительные замечания. Продолжительная дискуссия по поводу сути КСО обусловлена сложностью самого понятия КСО, в частности, ее многоаспектностью и многоуровневостью. Традиционно считается, что корпоративная социальная ответственность включает в себя ответственность *per se*, социальную ответственность как ее особый вид и корпоративную социальную ответственность как такой вид ответственности, субъектом которой является компания (или корпорация)².

Именно в такой формулировке возникает один из самых важных и самых распространенных этических вопросов о КСО – является ли компания субъектом морали и, соответственно, морально ответственным субъектом? Стоит заметить, что основные дискуссии по поводу концепции корпо-

² См.: *Благов Ю.Е.* Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб., 2010, 2011.

ративной социальной ответственности связаны с вопросом о том, можно ли на компанию, то есть на анонимное юридическое лицо, распространять характеристики индивидуального субъекта (здесь актуализируется проблема морального статуса корпораций)³. Иначе говоря, если рассматривать компанию как морального агента, то есть как субъекта социальной ответственности, то структура социальной ответственности будет выстраиваться по аналогии с индивидуальной ответственностью как некая проекция последней. Любопытно, что социальная ответственность в силу изменения субъекта отчасти меняет и свою структуру: то есть в зависимости от того, кто является ее агентом, а кто объектом приложения, может быть изменена структура КСО.

При осмыслении темы КСО в отечественном бизнесе и академических кругах имеет смысл обратить внимание на то, что до сих пор не существует единого понимания идеи КСО, ее структуры и границ. К примеру, не смотря на существование авторизованного русскоязычного варианта Международного стандарта ISO 26000:2010⁴, а также отечественного ГОСТ Р ИСО 26000⁵, описывающих КСО отчетность, среди специалистов существует совершенно разное понимание того, каким образом связаны между собой практики социальной ответственности и благотворительность (филантропия)⁶. Этот

³ Более подробно см.: *Благов Ю. Е.* Корпорация как моральный агент // *Российский журнал менеджмента.* Том 4, № 4, 2006. С. 93–98.

⁴ См. стандарт ISO 26000:2010 по ссылке: http://www.iso.org/iso/home/store/catalogue_tc/catalogue_detail.htm?csnumber=42546.

⁵ См. ГОСТ Р ИСО 26000 – 2012 по ссылке: <http://www.gostinfo.ru/PRI/Page/GetPage?orderByColumn=rcgxhsrnotqp&Ipage=47&MaterialID=242730>.

⁶ Данному вопросу был посвящен номер журнала *Бизнес и общество* № 4 (41) 2007. Также тема многократно раскрывалась на страницах издания *Деньги и благотворительность* № 64, 71 (см.: <http://www.cafrussia.ru/magazine/>). В сетевом журнале *Корпоративная социальная ответственность* (<http://www.csrjournal.com>) идет полемика по поводу связи КСО и благотворительности, например в материале: «КСО как благотворительность – это прошлое» (<http://www.csrjournal.com/lib/networkoverview/139-kso-kak-blagotvoritelnost-jeto-proshloe.html>).

вопрос приобретает особое значение в России в силу того, что отечественные стандарты корпоративной социальной ответственности во многом были привнесены и навязаны таким «внешним» требованием как финансовая и нефинансовая годовая отчетность компаний, которые претендуют выйти на IPO, то есть выйти за пределы национальных торговых площадок, и вынуждены пройти процедуру due diligence эмитента⁷. С другой стороны, социальная ответственность, понимаемая в рамках отечественной культурной традиции и истории, скорее склонна выражаться в большей степени в виде благотворительности, помощи нуждающимся (не смотря на дореволюционный опыт крупных магнатов и промышленников). В целом, тематика КСО содержит множество подобных противоречивых моментов, которые перестают быть чисто теоретическими в ситуации, скажем, планирования бюджета компании, или аудита нефинансовой отчетности последней.

Дискуссия о сути КСО и ее внутренних противоречиях ведется достаточно давно. Существуют и сторонники идеи комплексной КСО, понимаемой как системы разнородных практик бизнеса, ориентированных на положительное воздействие как на общество, так и на компанию (Боуэн Г., Кэрролл А., Девис К.)⁸, и ее критики (Левитт Т., Фридман М., Лэдд Дж.)⁹. В отечественной традиции, скорее, существует стремление представить КСО в виде эволюции идеи ответственности в рамках действий бизнеса. Это происходит безотносительно

⁷ Due diligence (DDG) – в пер. с *англ.* должная добросовестность, то есть установление адекватной стоимости компании, процедура аудита и оценки активов компании.

⁸ См.: Bowen H. R. *Social Responsibilities of the Businessman*. N. Y., Harper & Row, 1953; Carroll A. B. *Corporate social responsibility: Evolution of definitional construct* // *Business and Society* № 38 (3), 1999, p. 268-295; Carroll A. B. *The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders* // *Business and Horizons*. Vol. 34, № 4, 1991, p. 39-48.

⁹ Levitt T. *The Dangers of Social Responsibility* // *Harvard Business Review*. 1958. Vol. 36. № 5. p. 41–50; Friedman M. *The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits* // *The New York Times Magazine*, September 13, 1970.

к попыткам структурировать и операционализировать идею КСО на уровне бизнес практик, то есть фактически связать ее с той или иной программой действий: например, можно интерпретировать КСО в качестве частной формы внедрения концепта устойчивого развития (тенденция очевидна среди членов «Большой четверки» консалтинга)¹⁰, или же свести КСО к чисто социальным и инфраструктурным программам в регионах действия (как это делают крупные российские нефтегазовые компании¹¹), или, наконец, внедрять КСО преимущественно в качестве вида социальной защиты своих сотрудников (отдельные крупные промышленные компании типа «Северсталь»¹²). Основные работы по КСО в России принадлежат Е.Ю. Благову, А.Я. Кибанову, Э.М. Короткову, Ю.Ю. Петрунину, В.К. Борисову, Р.Н. Павлову¹³.

Исследователи констатируют, что на сегодняшний день понятие «корпоративная социальная ответственность» не имеет единого общепризнанного определения, и более того поля применения. Единственное, что очевидно, так это то, что у КСО есть единый субъект – корпорация или компания, а самом широком и неопределенном смысле – бизнес. Даже любые попытки говорить о стейкхолдерах как о другом участнике, сталкиваются с множеством вопросов и возражений. Данная ситуация вызвана не отсутствием интереса к проблематике КСО, а, скорее, наоборот, слишком большой актуаль-

¹⁰ Ср.: взгляд компания EY на КСО: <http://www.ey.com/RU/ru/About-us/Corporate-Responsibility>; компании PwC: <http://www.pwc.ru/ru/sustainability/index.jhtml>; Компании «Делойт и Туш»: https://www.deloitte.com/view/ru_RU/ru/about-deloitte/corporate-social-responsibility/index.htm.

¹¹ Ср.: нефинансовая отчетность компании «Роснефть»: <http://www.rosneft.ru/Development/social/>

¹² Ср.: социальный отчет компании «Северсталь»: http://www.severstal.com/files/10072/Severstal_SocialReport_2011.pdf.

¹³ Наиболее полный обзор концепций КСО содержится в монографии: Благов Ю.Е. *Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции*. СПб., 2010, 2011. Также см.: Макарова Е.П. *Трансформация представлений о социальной ответственности бизнеса* // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 31(246). Экономика. Вып. 33. С. 31–35.

ностью концепта, где помимо того, что каждый исследователь стремится посмотреть по-своему на проблему, существует масса интерпретаций КСО на уровне бизнес сообщества, которое склонно вообще радикально трактовать КСО начиная с позиции «вынужденных транзакционных издержек на рынках» и заканчивая «как одной из стратегий повышения стоимости своего продукта», взять хотя бы социально ориентированный маркетинг (например, компании «Макдоналдс»¹⁴).

Можно сказать, что в момент зарождения дискуссии о КСО в середине XX в. задачей было концептуализировать само понятие КСО, придать определенный вид и направление мышления на эту тему, но сейчас, судя по всему, основной задачей становится систематизация наработанных за прошедшее время теорий и идей, и самое главное – увязывание существующих практик с рамочными представлениями о КСО, постоянно продуцируемыми различными международными организациями.

Для России же вообще всякая дискуссия о смысле и роли бизнеса в обществе является новой и актуальной в силу отсутствия единой и непрерывной истории развития рынка и бизнеса в стране вплоть до начала 90-х гг. XX в. Также дополнительным фактором, формирующим интерес к ответственности бизнеса и институализации этой ответственности, является незаконченное и местами рудиментарное развитие гражданского общества в России, слабое правовое поле, высокий уровень коррупции и низкая степень ответственности государственных институтов за те или иные области и сферы жизни, а также различные события (природные и техногенные катаклизмы типа аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, локальные экономические кризисы типа банкротства градообразующих предприятий в поселке Пикалево и т.п.).

¹⁴ На портале *The Philanthropy News* приводится описание основных итогов CRM-деятельности компании (<http://philanthropy.com/article/Biggest-Cause-Marketing-Drives/139501/>), также статью о McDonalds на портале *Quick Service Restaurants* (<http://www.qsrmagazine.com/roy-bergold/being-mr>).

Зарождающееся сообщество некоммерческих и негосударственных организаций (НКО и НГО) в какой-то минимальной мере компенсирует недостатки государственной системы и отсутствие активности у собственно граждан, однако как самостоятельный игрок (лишенный в целом гарантированного и стабильного госбюджетного финансирования) вынуждено апеллировать к другим социальным игрокам, которые обладают возможностью распределять ресурсы более свободно и качественно, чем государство, а именно, – к бизнесу. С этой точки зрения, общественные запросы в области КСО все же пока почти не представлены теми или иными группами интересов, а лоббируются на уровне институциональных игроков – НКО, которые в свою очередь канализируют локальные ожидания, потребности и проблемы в виде конкретных благотворительных проектов и инициатив, что не в полной мере отвечает концепции КСО и идее наличия группы полноценных стейкхолдеров. В дальнейшем по умолчанию будем считать, что когда речь идет о взаимоотношении компаний и заинтересованных сторон, по преимуществу в виду будут иметься НКО, как наиболее активные агенты общества, и наиболее очевидные получатели ресурсов от компаний.

Для бизнеса вообще и отечественного в частности одной из самых популярных структур КСО является модель А. Кэрролла¹⁵, согласно которой КСО состоит из экономической, правовой, этической и филантропической ответственности. В рамках этой модели и осуществляется базовое действие почти любой компании, ориентированной на КСО и соответствие международным стандартам нефинансовой отчетности (здесь не имеется в виду новая и еще полноценно не внедренная парадигма интегрированной отчетности¹⁶, когда МСФО

¹⁵ См.: *Carroll A. A Three-dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // Academy of Management Review. 1979, Vol. 4, № 4. pp. 497-505, и Carroll A. B. The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders // Business and Horizons. Vol. 34, № 4, 1991, pp. 39-48.*

¹⁶ Более подробно об интегрированной отчетности см.: <http://ir.org.ru/>, также <http://www.kpmg.com/ru/ru/issuesandinsights/articlespublications/press-releases/pages/integrated-reporting-framework.aspx>.

«сливается» с нефинансовой частью деятельности компании, или новое поколение отчетности GRI4¹⁷, которое связано с долгосрочным планированием деятельности компании на глобальных рынках).

Кэрролл выделяет четыре типа корпоративной социальной ответственности: *экономическую, правовую, этическую и филантропическую*, которые в целом являются совокупной социальной ответственностью (то, что сейчас традиционно и называется КСО). Экономическая и правовая ответственности, очевидно, являются в большей степени ретроспективными (хотя экономическая ответственность перед акционерами и владельцами компании предполагает проективное видение ситуации в бизнесе), тогда как этическая и филантропическая ответственности – проспективными, поскольку их целью является результат не «сегодня», а в будущем (например, одной из целей этической ответственности является создание хорошей репутации, с помощью которой в дальнейшем можно будет привлечь больше клиентов, – хрестоматийное понимание этической ответственности в отечественной бизнес среде, которое часто ошибочно замещает собой понятие социально ориентированного маркетинга¹⁸).

Кэрролл отмечает, что т.н. проспективная ответственность является своего рода условной «этикой заботы», которая в качестве условия заботы о себе принимает заботу о другом (то есть компания, заботясь об обществе и социальных проблемах, заботится о самой себе, что бы за этим ни стояло для компании). Кэрролл систематизировал свои идеи

¹⁷ Более подробно о стандарте GRI4: <https://www.globalreporting.org/reporting/g4/Pages/default.aspx>.

¹⁸ Термин «социальный маркетинг» или «социально ориентированный маркетинг» (*англ.* Cause Related Marketing или CRM) был впервые использован в 1971 году. Он обозначал попытку применения принципов маркетинга для содействия решению социальных задач и реализации социальных идей. См. о социальном маркетинге: *Голодец Б.М.* Современная концепция социального маркетинга // *Маркетинг в России и за рубежом.* 2001, № 6. С. 4–9, также: *Котлер Ф., Сетиван А., Караджайя Х.* Маркетинг 3.0. От продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе. М., 2012, также портал <http://social-market.ru>.

в фигуре, известной как «пирамида Кэрролла»¹⁹, где в основании лежит экономическая ответственность, на ее основе правовая, далее этическая и на самом вершине филантропическая. Эти четыре типа «не являются взаимоисключающими, равно как не образуют континуума с экономическими интересами на одном полюсе и социальными – на другом» (перевод – Д.Г.)²⁰. Таким образом, автор составил свою пирамиду на основе исторической эволюции этих типов ответственностей. То есть, не смотря на то, что сейчас все в бизнес структурах эти типы ответственности существуют одновременно, история бизнеса говорит о том, что сначала предельное внимание обращено именно на экономические и правовые аспекты, и только потом, в процессе развития компании и ее интеграции в мировые рынки, появляются идеи относительно этических и филантропических моментов в деятельности компании. Другими словами, «пирамида Кэрролла», изначально описывающая историю эволюции идеи КСО, сегодня может применяться при оценке и описании жизненного цикла ответственной деятельности какой-либо отдельной компании.

2. Благотворительность как один из ключевых элемент структуры КСО российского бизнеса

Согласно Кэрроллу, экономическая ответственность определяется базовой функцией компании на рынке как производителя товаров и услуг, которые стремятся к удовлетворению потребностей потребителей и, таким образом, к извлечению прибыли, ее максимизации, снижению затрат и т.п. Правовая ответственность подразумевает соблюдение правовых норм и исполнение ожиданий общества, согласно только норме закона. Отметим, что для в России правовая ответственность компаний представлена зачастую на декларативном уровне,

¹⁹ См.: *Carroll A. B.* The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders // *Business and Horizons.* Vol. 34, № 4, 1991, p 42.

²⁰ *Carroll A.* A Three-dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // *Academy of Management Review.* 1979, Vol. 4, № 4. pp. 500.

и имеет свои известные трудности в реализации деятельности компаний: эта проблема существует как в экологической сфере (к примеру, борьба против вырубки Химкинского леса или прокладка нефетопроводов «Транснефть» по берегу Байкала), так и в защите прав труда (например, противостояние профсоюза и администрации на заводах «Форд» в Ленобласти) и в других моментах.

Далее, этическая ответственность в схеме Кэрролла представляется как соответствие деятельности компании общественным ожиданиям, не прописанным в правовых актах, а существующих в нормах морали, соответствие ценностям общества, его культурным и историческим особенностям, как отсутствие противоречий в действиях в отношении локальных сообществ. В качестве примера можно привести настойчивое, но одиозное и сомнительное в культурном плане, желание «Газпрома» строить офис компании в охранной зоне Санкт-Петербурга, снос «Дома Рогова», уничтожение парков и скверов под точечную и т.н. «уплотнительную» застройку и т.п.

Наконец, собственно филантропическая ответственность призывает компанию к добровольному участию в реализации социальных программ, направленных на поддержание и развитие благосостояния общества. Однако в трактовке Кэрролла есть значительный нюанс: филантропическую ответственность Кэрролл соотносит со сферой, в которой общество не сформировало четких ожиданий и которая предполагает индивидуальный добровольный выбор руководителя (или собственника компании). В то время как корпоративная благотворительность на практике зачастую осуществляется именно в тех сферах, где наиболее очевидны потребности и проблемы, и уже есть некие операторы помощи (начиная от государства и крупных международных организаций, например «Красный крест», «Амнести Интернешнл», и заканчивая локальными инициативами, типа Фонд «Ночлежка» в Санкт-Петербурге). Кроме того, компании вообще склонны приходить с благотворительными инициативами во вполне определенные и понятные им сферы: как правило, это образование, культура, поддержка молодежи и лиц пожилого возраста, спорт и досуг,

реже это сфера здравоохранения, и совсем редко поддержка маргинализованных социальных групп, фетальная медицина, правозащитная деятельность.

Таким образом, если пытаться провести некий рубеж, по которому проходит граница КСО сегодня в российском бизнес сообществе, то окажется, что в соответствии с имеющейся моделью, основной центр тяжести социальной ответственности компаний приходится на благотворительность (или филантропию)²¹. Сюда также можно отнести и спонсорство с донорством, которые для бизнеса в целом имеют единый смысл жертвования и помощи. Анализ КСО отчетности, по которой в принципе только и возможно делать какие-либо заключения о структуре КСО практик компаний, показывает, что значительную часть своих усилий и ресурсов в сфере КСО компании направляют на благотворительность и поддержку локальных сообществ (представленных как государственными органами, так и НКО)²².

Возвращаясь к идее благотворительности, можно предположить, что филантропическая ответственность компании на первый взгляд понятна в своей сути: это некая помощь группе лиц, лицу, организации, сообществу и т.п. То есть филантропия или благотворительность направлена на конкретного

²¹ Эта гипотеза также подтверждается исследованиями. Например, см. Николаев Н.П. Проблемы и пути развития корпоративной социальной ответственности в России (портал *Международный форум лидеров бизнеса. Россия*: http://www.iblfrussia.org/press/files/problemy_i_pyti_razvitiya.pdf). Также см.: Молчанов Г. Корпоративная благотворительность: научный подход // Благотворительность в России. № 2, 2009. Факт того, что благотворительность оказывается доминирующим сегментом в общем объеме КСО практик, признает также отечественный специалист по КСО Ю. Благов в статье: *Blagov Y., Petrova-Savchenko A. Corporate philanthropy in Russia: evidence from a national awards competition // Corporate Governance*, 2012, 4. pp. 534–547.

²² Любопытные цифры приводятся в материалах издания *Ведомости*, см. статьи: «Польза от корпоративной благотворительности не ясна» (http://www.vedomosti.ru/companies/news/12536161/nevidimyj_effekt?full#cut) и «Благотворительность в России — перевернутая система» (http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/271481/biznes_doplatit).

субъекта с целью улучшения его состояния, условий, развития и проч. Она подразумевает выраженную заботу о своем субъекте. При анализе отчетов КСО российских компаний благотворительная деятельность практически всегда выходит на первый план, потому что именно она наиболее явно демонстрирует моральный потенциал компании, ее «внеэкономические ценности». Однако в рамках любого исследования корпоративной благотворительности как элемента КСО стоит обратить внимание на следующий момент, – при анализе структуры КСО Кэрролл подчеркивал характер каждого типа ответственности следующим образом: экономическая и правовая ответственность обязательны для бизнеса и соответствуют жестким общественным требованиям, этическая ответственность обществом ожидаема, а филантропическая ответственность лишь желаема.

Отметим, что в последствие Кэрролл визионерски трансформировал образ своей концепции с пирамиды на диаграмму Венна, которая более наглядно демонстрировала пересечение разных видов ответственности в системе КСО, но в ней уже не было филантропической ответственности²³. Отказ от филантропической ответственности произошел с одной стороны потому что, по мнению Кэрролла, ее можно рассматривать как частный случай этической ответственности (как морально мотивированную), либо экономической ответственности (как «стратегическую филантропию»). Этому соответствует столь популярная сегодня в отечественных кругах т.н. «корпоративная благотворительность»²⁴, которая напрямую связывается с продвижением на рынке, выработкой эффективной и сбалан-

²³ *Schwartz M.S., Carroll A.B. Corporate Social Responsibility: A Three-Domain Approach // Business Ethics Quarterly. Volume 13, Issue 4, October 2003. pp. 503–530.*

²⁴ Подробнее см. в монографии: Потенциал и пути развития филантропии в России / Под ред. И. В. Мерсияновой, Л. И. Якобсона. М., 2010. Также интересны результаты исследования Общественной палаты РФ «Корпоративная благотворительность в России: оценка эффективности работы существующей институциональной среды» (<http://www.oprf.ru/ru/about/structure/structurenews/newsitem/13594?PHPSESSID=7tud78vo0mcmdmpp3b61ibe7i3>).

сированной системы управления, конкурентными преимуществами, ростом лояльности инвесторов и т.п. Кроме того, работая на социальный результат, компания, помимо положительного влияния на имидж и прочие указанные моменты, получает параллельные льготы, в том числе рост уровня патриотизма и лояльности со стороны ее сотрудников и, соответственно, рост производительности труда. Здесь филантропия может иметь вполне практический результат. Другими словами, отечественная филантропическая традиция, формируясь, имеет все шансы превратиться из реального сегмента КСО в маркетинговый (или управленческий) инструмент²⁵. Эта тенденция особенно хорошо видна при анализе КСО отчетов Санкт-Петербургских компаний²⁶.

По поводу благотворительности как части КСО в современных исследованиях есть различные мнения. Так Ю. Благов в статье²⁷, посвященной анализу корпоративной благотворительности, обращает внимание на российскую законодательную базу. В соответствии с Федеральным законом № 135 «О Благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (от 11 августа 1995)²⁸, благотворительность понимается как «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на

²⁵ Кроме того, компания может интерпретировать связь между благотворительной деятельностью и корпоративной стратегией по-разному, предполагая, что компания была создана с точки зрения долгосрочных перспектив. С некоей долей условности, эта интерпретация может быть представлена в трех формах: поддержка и обслуживание корпоративной репутации, развитие территорий присутствия и снижение риска, и развитие основного бизнеса.

²⁶ *Гусев Д.А. Взаимодействие бизнеса и НКО в Санкт-Петербурге (По материалам отчетов КСО) // Негосударственные некоммерческие организации в Санкт-Петербурге. Информационные материалы для молодежных и детских общественных объединений о деятельности НКО. СПб., 2013 (в печати).*

²⁷ *Blagov Y., Petrova-Savchenko A. Corporate philanthropy in Russia: evidence from a national awards competition // Corporate Governance, 2012, 4. pp. 534–547.*

²⁸ Текст закона и поправок см.: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102036732>.

льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки». Российский закон четко определяет цели благотворительной деятельности такие как: социальная поддержка и защита граждан; содействие в сфере образования и науки, культуры, искусства, духовного развития и так далее. Выполнение этих целей, подразумевает, что благотворители получают некие налоговые льготы за свои усилия и действия. Однако, автором приводится уточнение, что в зарубежной литературе²⁹ отмечается, что «в контексте КСО, благотворительность подпадает в социальную сферу, но за пределами основных операций компании». То есть, если для российского нормативного поля совершенно не важна суть благотворительности в отношении целей и задач компании, то для зарубежного бизнес сообщества, оказывается принципиальным, что благотворительность не пересекается с собственно конкретным бизнесом³⁰. Впрочем, Благов смягчает это противостояние: вне рамок закона и общих академических определений, место корпоративной филантропии в контексте КСО может толковаться предельно широко. Во-первых, корпоративную филантропию как таковую часто отождествляют с основным содержанием КСО. Во-вторых, даже при исследовании благотворительности как аспекта или уровня КСО, ученые и бизнес практики применяют методы оценки ее эффективности, по-разному, то есть существует определенный люфт трактовки благотворительности, который исправляет собственно цели компаний и придает благотворительности больше значения в рамках взаимодействия с благополучателями (обществом) и их помощниками (НКО).

²⁹ Visser W., Matten D., Pohl M. (eds.) *The A to Z of Corporate Social Responsibility*. Wiley, 2008.

³⁰ Основной тенденцией в научной литературе является отделение традиционной альтруистической благотворительности, не связанной с основной деятельностью компании от стратегической корпоративной благотворительности, которая усиливает позиции компании и в частности делает ее более конкурентоспособной на своем поле.

Важный момент в рамках анализа специфики благотворительной деятельности отечественных компаний в рамках КСО связан с причинами ведения филантропийной деятельности. Причины вовлечения в благотворительную деятельность, с точки зрения Ю. Благова, могут быть разделены на следующие группы: обращения граждан и некоммерческих организаций; инициативы клиентов; инициативы сотрудников, владельцев и менеджеров, корпоративные инициативы в области устойчивого развития, а также КСО практики международного головного офиса компании. Эти причины можно также подразделить. Во-первых, инициатива благотворительной деятельности может исходить от внешних и внутренних заинтересованных сторон по отношению к организации. Во-вторых, корпоративная филантропия может быть реактивной (ответ на конкретный запрос) или активной (предвосхищая инициатив). В-третьих, как один из элементов корпоративной социальной деятельности, благотворительность развивается на основе моральных выборов, основанных на признании необходимости для общества необходимого корпоративного поведения, а также на основе инструментальной необходимости укрепления конкурентоспособности.

Литература

1. *Blagov Y., Petrova-Savchenko A.* Corporate Philanthropy in Russia: Evidence from a National Awards Competition // *Corporate Governance*, 2012, 4. pp. 534–547.
2. *Bowen H. R.* *Social Responsibilities of the Businessman*. N. Y., Harper & Row, 1953.
3. *Carroll A.* A Three-dimensional Conceptual Model of Corporate Performance // *Academy of Management Review*. 1979, Vol. 4, № 4. pp. 497–505.
4. *Carroll A. B.* Corporate Social Responsibility: Evolution of Definitional Construct // *Business and Society* № 38 (3), 1999, pp. 268–295.
5. *Carroll A. B.* The Pyramid of Corporate Social Responsibility: Toward the Moral Management of Organizational Stakeholders // *Business and Horizons*. Vol. 34, № 4, 1991, pp. 39–48.
6. *Friedman M.* The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits // *The New York Times Magazine*, September 13, 1970.

7. *Levitt T.* The Dangers of Social Responsibility // Harvard Business Review. 1958. Vol. 36. № 5. pp. 41–50.
8. *Schwartz M. S., Carroll A. B.* Corporate Social Responsibility: A Three-Domain Approach // Business Ethics Quarterly. Volume 13, Issue 4, October 2003. pp. 503–530.
9. *Благов Ю.Е.* Генезис концепции корпоративной социальной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 8 (Менеджмент), Вып. 2, 2006. С. 3–24.
10. *Благов Ю.Е.* Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб., 2010, 2011.
11. *Благов Ю.Е.* Корпорация как моральный агент // Российский журнал менеджмента. Том 4, № 4, 2006. С. 93–98.
12. Корпоративная социальная ответственность: учебное пособие / Под ред. Э.М. Короткова. М., 2012, 2013.
13. Корпоративная социальная ответственность: экономические модели – мораль – успех – устойчивое развитие / Под ред. А.Н. Крылова. М.–Берлин, 2013.
14. *Макарова Е.П.* Трансформация представлений о социальной ответственности бизнеса // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 31(246). Экономика. Вып. 33. С. 31–35.
15. *Петрунин Ю.Ю.* Этика бизнеса: современные концепции // Общественные науки современность. 1998. № 3.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ: МОРАЛЬНО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ*

А.С. Сергеев

Статья посвящена обзору электронных информационных ресурсов задействованных в современном образовательном процессе. Предпринята попытка их классификации. Представлен перечень наиболее актуальных проблем сопряженных с их использованием, и анализ существующей проблематики, как в правовом, так и моральном аспекте

Информационная этика и информационные ресурсы

Принято считать, что информационная этика имеет дело лишь с вопросами использования современных, как правило, информационно-телекоммуникационных технологий, как на профессиональном, так и на пользовательском уровне. Однако, вопреки такому устоявшемуся представлению, следует отметить, что затронутый диапазон далеко не исчерпывает всё проблемное поле. Информационная этика совмещает в себе предметную область многих других дисциплин, таких как виртуальная этика, сетевой этикет, кибер-этика, профессиональная, в частности журналистская этика и т.д. Если взять в целом, то данная дисциплина рассматривает систему норм и ценностей, определяющих поведение человека в сфере отношения к информации как таковой. Таким образом, одним из проблемных очагов способствовавших её формированию и развитию были, например, вопросы библиотечного дела, журналистики и использования средств массовой информации,

* Грант РГНФ № 12-03-00550.

Следует сказать, что современное применение технологий, их интеграция не только в нашу повседневную жизнь, на уровне гаджетов и устройств, автоматизирующих работу и обеспечивающих более эффективную деятельность в тех или иных областях, но и в образовательный процесс, ставит перед обществом проблемы нового порядка. Под образовательным процессом здесь понимается, в наиболее широком смысле, всё, что связано с получением информации в целях расширения кругозора, освоения профессиональной специальности, повышения своей квалификации, и т.д. Это и самообразование, когда человек использует современные технологии как средство обращения к определенной информации, и профессиональное образование, когда информационные ресурсы задействуют в качестве рабочего материала для определенной учебной программы или курса. Поэтому в современном российском образовательном сообществе проблемы информационной этики стоят не менее остро, чем и в образовательном процессе как таковом, остро стоят.

Компьютер выступает не только как посредник, инструмент позволяющий получить доступ к определенной информации, например, в библиотеках в виде справочного каталога, но и как основной источник и исходный носитель этой информации. В нашем обзоре речь идет об информационных ресурсах существующих исключительно в электронной форме.

Помимо того, что термин “информационный ресурс” и так выражает довольно общее понятие, есть также его двоякое понимание. В своём традиционном и широком смысле, это совокупность данных, организованная для эффективного получения достоверной информации. Это могут быть как отдельные документы, так и их совокупность, организованная и представленная в библиотеках, архивах, фондах, банках данных и других видах информационных систем. В современном варианте этот термин используют, когда подразумевают данные в любом виде, которые можно многократно использовать для решения различных вопросов пользователей. В сущности, это любая информация, представленная, чаще всего, в электронном виде, например, в глобальной информационной сети Интернет. При этом, естественно, речь об организо-

ванности и упорядоченности здесь может идти лишь условно, а достоверность такой информации остается под большим вопросом, что в свою очередь как раз и составляет одну из важнейших проблем в информационной этике.

В попытке классифицировать основные источники информации, которые задействуются в том или ином виде в современном образовательном процессе, можно разделить электронные информационные ресурсы на следующие три категории. Первая категория, это электронные библиотеки, при этом не просто как дополнительный сервис, функционирующий при существующих традиционных библиотеках, но как отдельный феномен, как новая форма, более комфортная и эффективная альтернатива вышеупомянутому культурному институту. Ко второй категории относятся средства массовой информации, точнее их электронная вариация. И третья категория включает в себя блогосферу, как целое отдельное сообщество и платформа для создания и распространения информации. Попробуем сделать краткий обзор каждой из обозначенных категорий информационных ресурсов задействованных в современном образовательном процессе.

Электронная библиотека, как уже упоминалось выше, особенно в сети Интернет, это не просто дополнительный сервис, при существующих традиционных библиотеках, но уже отдельный и самостоятельный феномен, который возник задолго до интеграции современных технологий в процесс работы традиционной библиотеки. Хорошим и ярким примером может служить такой всем известный информационный ресурс как Википедия, расположенный по адресу <http://www.wikipedia.org/>. Формально данный проект позиционируется как свободная энциклопедия, в создании и наполнении материалом которой может принять участие любой пользователь Сети и зарегистрированный участник данного сервиса. Но этот ресурс нельзя назвать просто он-лайн справочником, он предстает как новый и отдельный феномен информационного пространства, аналогов которого до этого момента не наблюдалось, и вполне может рассматриваться как разновидность он-лайн библиотеки. Один из основателей и идеологов этого проекта, американский интернет-предприниматель

Джимми Донал Уэйлс, разработал его концепцию, в соответствии с которой основная цель Википедии – это накопление и систематизация знаний человечества, при этом знания должны быть доступными и бесплатными. По этой причине данный информационный ресурс не стал коммерческим сервисом с платным доступом, и на нём полностью отсутствует какая-либо реклама. Сейчас в поддержке и обслуживании Википедии задействовано порядка 175 сотрудников, это отдельный институт, существующий за счёт добровольных пожертвований пользователей и сторонних инвестициях.

Одна из первых и наиболее известных непосредственно электронных библиотек, появившаяся в 1994 году, на заре развития русскоязычной части сети Интернет – “Библиотека Максима Мошкова”, расположенная по адресу <http://www.lib.ru>. Этот проект начинался как личный и независимый, и долгое время существовал на средства самого создателя, но затем получил поддержку Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям [13]. Однако, несмотря на финансовую поддержку технической составляющей, – оплату серверов на которых располагается данный ресурс и технического обслуживания, – сама библиотека развивается по-прежнему силами пользователей, которые присылают оцифрованные тексты и активно участвуют в её оперативном наполнении. Основной идеей данного проекта было перевести все возможные произведения, от художественной литературы до специальных научных изданий, в электронный вид и сделать информацию более доступной для рядового пользователя. В этой связи, даже крайне простой дизайн не менялся с самого момента появления сайта, т.к. должен был одновременно смотреться корректно в разных браузерах и быть удобен в использовании по медленным каналам связи.

Конечно, различия между обычной и электронной библиотекой огромны. И тот факт, что наиболее развитые библиотеки создают и поддерживают в Интернете свои информационные ресурсы, на сайтах которых выставляют отдельные документы или даже целые собрания и коллекции, этих различий никак не отменяет [6]. На базе традиционных библиотек могут создаваться и уже создаются электронные библиотеки. При

создании таких библиотек не могут не учитываться требования действующих в библиотечной области международных и российских стандартов. Но ситуация усугубляется тем, что до сих пор этот процесс протекает довольно вяло, и нет никаких отлаженных регулирующих механизмов. В своей статье, «Электронный документ как объект библиотечного дела: постановка проблемы», В.Г. Казаков и Т.В. Майстрович, констатируют факт наличия ряда проблем, связанных с отсутствием нормативной базы, которая бы определяла комплекс требований к электронным документам, включая их правовой и видовой статусы. Это и требования к содержанию, и правила использования подобных ресурсов, в том числе возможности ссылок на них, и многое другое. Более того, инициативу выполнения разработки стандартов до сих пор не взяло на себя ни одно ведомство нашей страны.

Традиционная библиотека как учреждение обладает собственной иерархией, и кроме самих библиотекарей, которые заняты непосредственно обслуживанием читателей, есть ещё комплектаторы, обработчики, методисты, учёные, специалисты по библиографическому описанию и индексированию документов. В общем, это сложный и древнейший общественно-культурный институт, в котором задействован целый комплекс профессий и штат сотрудников. Но сейчас в своей традиционной форме этот институт лишь частично может удовлетворять требования и потребности современного человека. Существующие электронные сервисы и информационные ресурсы, которые представляют более удобные и эффективные, в плане использования, альтернативы доступа к информации, будут неуклонно снижать роль традиционных библиотек.

Что касается Интернет-СМИ, то речь идёт не только об электронной вариации средств массовой информации. Здесь информационный ресурс может использоваться как дополнительная платформа для распространения информации, присовокупленная к уже существующему периодическому изданию, будь то газета или журнал, так и представлять собой совершенно отдельный и самостоятельный источник, например, интернет-газету, вполне успешно существующий

без каких-либо печатных аналогов. Интересно будет отметить тот факт, что и здесь актуализируется специфика глобальной информационной сети Интернет – читатели зачастую сами становятся инициаторами подаваемой информации о произошедших событиях. Например, по такому принципу действует наиболее популярное электронное СМИ, с высокой посещаемостью и частотой обновления самих новостей, в Санкт-Петербурге “Фонтанка.Ру” – <http://www.fontanka.ru/>, делающее ежедневное обозрение важнейших городских событий и обзор основных мировых новостей. В начале своей деятельности, администрация сайта предлагала денежное вознаграждение за лучшую новость месяца и года, дабы мотивировать своих читателей на участие и сообщение информации об актуальных событиях для новостей.

Блогосфера - это наиболее общий термин, обозначающий совокупность всех блогов в сети Интернет, которых насчитывается уже более нескольких десятков миллионов. Изначально, блог – это интернет-журнал событий, аналог личного дневника, только в режиме он-лайн. Веб-сайт, где пользователь имеет возможность регулярно выкладывать записи с материалом различного характера. Но сфера использования данного типа информационных ресурсов уже давно вышла за рамки простого интернет-дневника. Многие блоги могут рассматриваться как СМИ, если брать в расчет посещаемость, обратную связь, и влияние на общественное мнение. Этим блогосфера стала крайне притягательна для политической пропаганды и коммерческой деятельности. Хотя это и не всегда одобряется самим сообществом блоггеров, но некоторые его участники за оплату

пишут положительные обзоры о той или иной продукции, в которых присутствует завуалированная и ненавязчивая реклама подающаяся в форме дружеской рекомендации. Кроме того, блогосфера стала одной из сфер гражданской журналистики. Как с правовой, так и с этической точки зрения здесь всё неоднозначно. С одной стороны, блоггеры, как на Западе, так и в России, становятся активными участниками общественной жизни, которые оперативно и информативно освещает большинство событий происходящих в обществе.

Так, например, в США ведущий блога fishbowlDC (<http://www.mediabistro.com/fishbowlDC/>) Гаррет Граф официально получил однодневный пропуск в Белый дом специально для участия в утреннем брифинге для прессы. Это первый блоггер, который посетил резиденцию президента в качестве журналиста [3]. Однако вопрос о том, признавать ли юридически блоги средством массовой информации, а их ведущих - журналистами, окончательно пока не решен. В противовес этому случаю приведем другую ситуацию, когда суд в Калифорнии вынес предварительное решение, гласящее, что блоггеры в США не находятся под защитой законодательства о журналистской деятельности [2]. Это постановление было вынесено в результате рассмотрения дела компании Apple против трех блоггеров, ответственных за утечку внутрикорпоративной информации о выходе новых продуктов [4]. То же самое касается этической составляющей деятельности интернет-журналистов публикующих информацию на страницах своих блогов. Не все из них разделяют кодекс профессиональной этики журналиста и придерживаются выработанных стандартов. Это отдельное сообщество, где-то принимающее возникшие в профессиональной среде нормы и правила, а где-то их игнорирующее. Поэтому, такие базовые принципы как достоверность предлагаемой информации (тщательная проверка материала перед публикацией), объективность описываемых событий (непредвзятое обозрение), уважение частной жизни и общественных интересов, не всеми разделяются и не носят общеобязательный характер в блогосфере, и это следует учитывать при обращении к данной категории информационных ресурсов.

После краткого обзора основных информационных ресурсов в той или иной степени задействованных в современном образовательном процессе обратимся к кругу главных этических проблем, которые возникают в этой сфере, в отношении как создания, так и использования информации. Перечень проблем связанных с информационными ресурсами в современном образовательном процессе в России можно свести к двум наиболее актуальным на сегодняшний день. Каждая из этих проблем неразрывно связана с соответствующим эти-

ческим и юридическим концептом, поэтому их анализ будет производиться в совокупности. Прежде всего, это проблема авторского права, т.е. отношения к интеллектуальной собственности, и плагиата, которая нуждается в освещении и проработке. И затем вопрос достоверности и доверия к информационным ресурсам и получаемой с их помощью информации.

Авторское право и плагиат

Если абстрагироваться от разговоров о том, что в России общество индифферентно относится к интеллектуальной собственности, что плагиат становится нормой, по причине того, что идет искажение нравственного сознания и формируется другая иерархия ценностей, мы заметим кое-что иное стоящее за этой поверхностной констатацией. Следует обратить внимание на то, что в современной ситуации техногенной среды, тотально погруженный в информационное пространство человек просто теряет это чувство авторства, как своего собственного, так и чужого. Ведь сама специфика глобальной информационной сети Интернет способствует размытию этого ощущения, вводя пользователя в состояние сосуществования с другими, в котором всё создаваемое почти всегда нечто эклектичное и реминисцентное. Хорошим примером может служить такой уже упомянутый ранее информационный ресурс как Википедия. Несмотря на закрепление за статьями авторства, в корректировках и замечаниях может участвовать любой пользователь этого сервиса, даже предложить альтернативу, замену существующему варианту статьи. Таким образом, текст на уровне восприятия становится общим. Если прибегнуть к понятийному аппарату философии постструктурализма и постмодернизма, практически любой текст, создаваемый в такой информационной среде как Интернет, носит преимущественно ризоматичный характер, в плане своего происхождения. Смысл ретранслируется, мысли интерпретируются, авторство размывается и теряется.

Конечно, не единичны и случаи злонамеренного использования чужих текстов в корыстных целях. Более того, сейчас мы уже можем наблюдать двухсторонний процесс. Не только в Интернете можно обнаружить незаконно выложенные тексты книг, но и в печатных изданиях заимствованные из Интернета, при этом на совершенно незаконных основаниях. В совместной статье Галинской И. Л. и Панченко А. И. "Этико-правовое пространство информационно-компьютерных технологий", которая вошла в сборник "Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании", упоминается следующий прецедент. Один из первопроходцев интернет-рекламы в России Тимофей Бокарев разместил на своём веб-сайте материалы о рекламе в сети Интернет, различные советы, примеры из практики, методику рекламирования. Более того, в будущем планировал издать свои труды отдельной книгой. Однако, через какое-то время в книжном издательстве "Познавательная книга плюс" вышла в свет книга Антона Высоткина «Реклама в Internet», 54% текста которой оказались просто скопированные материалы сайта Бокарева с минимальными корректировками. После того как Тимофей Бокарев узнал об этом, не только аудитория его ресурса была посвящена в факт плагиата, но и в Московский арбитражный суд был подан соответствующий иск, по которому суд признал, что издательство нарушило его авторские права [7].

Есть примеры и того, когда, прикрываясь законными основаниями, организации не пытаются защитить авторские права, а стремятся реализовать свои личные корыстные цели. Один из таких случаев произошел с уже упоминаемой нами электронной библиотекой Максима Мошкова. Несмотря на благородную цель проекта, – оцифровка различных текстов и предоставление их в свободный доступ, – владелец данного ресурса столкнулся с серьезным противостоянием в лице конкурирующих на коммерческой основе организаций. В 2004 году компания «КМ Онлайн», которая организовала свою собственную, частично платную, электронную библиотеку, подала серию исков от лица нескольких писателей против «Библиотеки Мошкова». Впоследствии выяснилось,

что претензии имеет всего один писатель, Эдуард Геворкян, остальных авторов даже не поставили в известность, что их авторские права решили защитить. Это дело стало прецедентом в российской судебной практике давления на электронную библиотеку на основании нарушения авторских прав. Во время судебных разбирательств из библиотеки была удалены книги многих авторов. В результате, Останкинский суд Москвы постановил взыскать с Мошкова в пользу Геворкяна 3 000 рублей в качестве возмещения морального вреда, а в выплате компенсации за нарушение авторского права отказать [8]. Этот случай показал, что в российских реалиях нередко ситуации злоупотребления существующей правовой системой, в попытке использовать закон не для защиты интересов авторов, а в своих личных целях и для собственной выгоды. Главным регулятором в подобных случаях служат как раз таки этические представления. На защиту библиотеки встали многие пользователи ресурса и писатели, был издан и активно распространялся «Манифест в защиту Библиотеки Максима Мошкова» составленный участниками Международного союза интернет-деятели «ЕЖЕ». Вкратце перескажем основные тезисы манифеста, в которых говорится о том, что данная электронная библиотека результат многолетнего бескорыстного труда сотен добровольцев включая её создателя, не имеющая прямых аналогов в мире, и фактически являющаяся национальным достоянием. Таким образом, нельзя допустить нанесения серьезного ущерба как библиотеке, так и её создателю в угоду чисто коммерческим интересам. Действующие законы об авторском праве не учитывают в полной мере новых технологических реалий и не всегда адекватно трактуются в применении к электронным документам. Не смотря на это, правительству не следует торопиться с принятием новых законов, т.к. вопросы данного порядка в цифровую эпоху чрезвычайно сложны и противоречивы, а поспешность может нанести обществу серьезный ущерб. Предлагалось инициировать публичный диалог, в ходе которого можно было бы выработать схему работы электронных библиотек, которая сумеет обеспечить справедливый баланс интересов общества и авторов [1].

Доверие и фальсификация

Одной из значимых проблем представляется вопрос относительно доверия в сфере информационного пространства, который является едва ли не самым главным именно в отношении образовательного процесса. В связи с интенсификацией применения коммуникационных технических средств и информационных технологий, а в частности, с развитием глобальной информационной сети Интернет, возможность фальсификации информации стала проще реализуемой, а связанная с этим процессом проблема доверия к источнику обозначилась именно сейчас как наиболее актуальная.

До периода всеобщей распространенности различных электронных информационных ресурсов дела обстояли несколько иначе. Даже если не брать в расчет парадигму научного сообщества, где существовала своя жесткая схема и фильтры, проходя через которые достоверность предлагаемой информации не то чтобы априори не подлежала сомнению, но вызывала весомое доверие. То же самое относилось и к прессе, которая придерживалась определенных строгих стандартов. В современной ситуации мы становимся свидетелями такой противоречивой, но взаимосвязанной дуальной реакции, когда с одной стороны мы встречаем слепое и наивное доверие к любой подаваемой информации, а с другой, сталкиваемся с явно усиливающейся сверхкритичностью, иногда доходящей до параноидального уровня, когда к получаемой информации нет доверия вообще, будь то телевидение, газета или интернет-ресурсы.

Под фальсификацией обычно подразумевается умышленная подделка и искажение сведений, например, сфабрикованные статистические данные, научные работы, придуманная ссылка на произведение стороннего автора, и т.п. Однако это понятие существенно видоизменилось. Так, например, в глобальной информационной сети Интернет мы вполне можем говорить о том, что этот процесс носит уже бессознательный характер, речь больше не идет об умышленном искажении информации, она может искажаться произвольно,

совершенно без злого умысла. Часто в процессе копирования, цитирования, репостинга (повторного размещения поста/публикации стороннего автора у себя на ресурсе), информация проходит через неконтролируемый процесс и, так или иначе, видоизменяется, сильно теряя свой первоначальный вид и даже авторство. Конечно, в определенных категориях информационных ресурсов этот момент учитывают и стараются контролировать. Например, одним из обязательных параметров для статей, которые публикуются в Интернет-СМИ, позиционирующих себе в качестве серьезных и следящих за своей репутацией, является указание ссылки на исходный источник.

Легкодоступность и обилие информационных ресурсов порождает ещё одну проблему, также связанную с достоверностью. Человек оказывается затерянным в обилии информации, и теперь одним из важных навыков, которому он должен научиться, и который следует развивать, оказывается умение искать и классифицировать информацию. Также как в учебных заведениях есть список рекомендуемой литературы, современный человек в условиях информационного многообразия и отсутствия жестких фильтров должен быть снабжен, условно говоря, списком литературы не рекомендуемой, это различные научно-популярные издания, малодостоверные источники, и т.п. И если в традиционных библиотеках консультационную функцию на себя отчасти берёт библиотекарь, то в работе с электронными информационными ресурсами человек оказывается предоставленным самому себе.

В данной статье мы осуществили обзор основных типов информационных ресурсов, которые, в той или иной степени, оказываются задействованными в образовательном процессе. Проведя первичный анализ главных правовых и этических проблем, с которыми сталкивается современный человек при использовании этих ресурсов, можно констатировать, что применение информационных технологий порождает множество новых и интересных феноменов, которые, несомненно, большей своей частью облегчают нашу повседневную жизнь. Они способствуют повышению информированности

и сопричастности человека к жизни общества, представляя собой мощный инструмент и давая значительные возможности в плане самообразования и улучшения эффективности существующих образовательных программ и курсов. Тем не менее, они же ставят перед нами проблемы нового порядка, решение которых зачастую не представляется столь очевидным, и требует осмысленной проработки и апробирования в виде поступательного внедрения в образовательную практику предложенных схем и вариантов по разрешению существующих вопросов.

Список источников

1. Ezhe.ru – “Манифест в защиту Библиотеки Максима Мошкова”. [Электронный ресурс]. URL: <http://ezhe.ru/actions/lib/>
2. Lenta.ru – “Американский суд не захотел приравнять блоггеров к журналистам”. [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2005/03/05/appleblogs/>
3. Lenta.ru – “Белый дом пустил блоггера на пресс-конференцию”. [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2005/03/08/blogger/>
4. Lenta.ru – “Калифорнийский суд заставляет блоггеров раскрыть свои источники в Apple”. [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/news/2005/03/14/apple/>
5. Антопольский А. Б. Электронные библиотеки России: состояние и проблемы развития // Библиотечные компьютерные сети: Россия и Запад / Антопольский А. Б., Вигурский К.В., Майстрович Т.В. 2007. Вып. 3.
6. Воройский Ф.С. Электронные и традиционные библиотеки - суть не одно и то же // Электронные библиотеки. М., 2003. Том 6. Вып. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part5/voroisky>
7. Галинская И. Л., Панченко А. И. Этико-правовое пространство информационно-компьютерных технологий // Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании. М.: Логос, 2003. С. 112–132.
8. С владельца самой крупной русской интернет-библиотеки взыскали штраф [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliograf.ru/materials/news/1358/>
9. Казаков В.Г., Майстрович Т.В. Электронный документ как объект библиотечного дела: постановка проблемы // Электронные би-

блиотеки. М., 2003. Том 6. Вып. 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part4/KM>.

10. Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексеева И. Ю. Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая линия – Телеком, 2011.

11. Прохоров А. Интернет: источник плагиата или средство его выявления? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.compress.ru/Archive/CP/2004/10/34/>

12. Равинский Д.К. Библиотека и вызовы XXI века. СПб, 2011.

13. Роспечать рублем поддержала Интернет-библиотеки // Российская Газета. 10.03.2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2005/10/03/moshkov-anons.html>

14. Плукеева Р. Традиционные и электронные ресурсы: состояние, проблемы, эффективность использования // Библиотека. 2008. № 1.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (КСО) В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОЙ ЭКОНОМИКИ

О.А. Стребкова

В статье рассматривается корпоративная социальная ответственность как инструмент, ограничивающий конкурентную борьбу и в тоже время как цель социальной деятельности корпораций, которая наполняет нравственным содержанием экономическую жизнь общества в целом. Корпоративная социальная ответственность, исторически возникшая как инструмент получения конкурентных преимуществ экономически сильными корпорациями, сегодня приобрела иное внутреннее содержание, превратилась в мощный нравственно-экономический инструмент контроля общества над корпорациями, в инструмент согласования экономических интересов с социальными интересами. КСО есть преддверие такого состояния общества, в котором нравственность приобретет значение основных скрепов общественного устройства.

Корпоративная социальная ответственность как институт, разрешающий противоречия между экономической целесообразностью корпораций и социальными потребностями общества исторически возникает в конце XX столетия. В этот период система мирохозяйственных связей значительно расширяется, прежде всего, за счет стран с постсоциалистической экономикой. Для большинства стран характерным становится открытость национального хозяйства, либерализация внешнеэкономических связей и международных торгово-валютных операций. Заметно возрастает роль внешнего фактора хозяйственного развития. В конечном счете, этот период характеризуется ростом интернационализации производства, который сопровождался очередным раундом конкурентной борьбы за ресурсы и рынки сбыта товаров и услуг.

В этот период обозначились две тенденции, которые стали отражением экспортно-импортного обмена: а) усиление

позиций США и б) формирование экономического полицентризма, ведущего к образованию глобальных экономических систем. В 1990-е годы все шире начинают применяться единые для всех стран стандарты на технологии, на загрязнение окружающей среды, бухгалтерскую отчетность, национальную статистику и др. В этот период рынок пополнился новыми игроками на поле экономики, которые начали осваивать мировые рынки, на которых прежде господствовали корпорации развитых стран.

Усиление внешних факторов хозяйственного развития привело к усилению конкуренции среди корпораций, что и определило, по нашему мнению, появление защитных инструментов, снижающих давление экспортной активности вновь образованных рыночных экономик. Стандартизация, получающая в этот период свое развитие, становится мощной преградой на пути вхождения в мировой рынок вновь образованных корпораций. И в то же время стандартизация становится таким отношением, которое начинает включать нравственный элемент, определять социальную значимость корпораций, их роль в социально-нравственном развитии современного общества. Социальный хаос и постоянная конкурентная борьба между корпорациями начинают приобретать видимость порядка, в котором моральная норма начинает играть свою существенную и заметную роль. Эта моральная революция в мировой экономике, происходит вопреки основным экономическим законам, вопреки закону прибавочной стоимости, вопреки достижению прибыли любой ценой. Но в то же время это движение есть закономерное движение, вызванное к жизни крупными монополиями, стремящимися оградить себя от таких способов конкурентной борьбы, которые еще в большей степени ввергают общество в хаос, ведут к новым экономическим баталиям. Конкуренция не исчезает, она сохраняется и начинает вестись новыми, раньше не существовавшими, средствами борьбы, международными стандартами и моральными средствами.

Международные стандарты как объективная необходимость образующегося мирового экономического порядка, несомненно, уже сегодня оказывают влияние на российский

национальный бизнес. «Крупные российские компании постепенно переходят на международные стандарты корпоративного управления. Одним из таких стандартов является соблюдение принципа «устойчивого развития», то есть баланса интересов экономики, социальной сферы и экологии. Иными словами, отказ от получения прибыли любой ценой, в ущерб общественным интересам. Концепция устойчивого развития тесно связана с понятием корпоративной социальной ответственности (КСО). КСО – это добровольный вклад бизнеса в решение стоящих перед обществом глобальных проблем, таких, например, как сохранение окружающей среды, борьба с бедностью или болезнями»¹.

Следуя принципам корпоративной социальной ответственности, корпорации из экономических агентов превращаются в моральных агентов², осуществляют свою деятельность в соответствии с потребностями общества, сливаются с обществом, «растворяются в нем». Но те корпорации, которые по тем или иным причинам этого не делают или не могут делать, становятся антиподами общества, становятся корпорациями изгоями, которым отказано в какой-либо поддержке, как со стороны общества, так и со стороны бизнес-сообщества, соответствующего критериям социальной ответственности. Таким образом, корпорации, не вошедшие в клуб корпоративной социальной ответственности, обречены на гибель, их конкурентные преимущества требованиями корпоративной социальной ответственности сводятся на нет. КСО становится мощным инструментом в конкурентной борьбе. Но в то же время она становится средством превращения экономики в моральную экономику, конечным результатом которой является чистая окружающая среда, отсутствие бедности и всех пороков, которые ее сопровождают, здоровый образ жизни, т.е. забота о человеке, его нуждах и потребностях, становятся ее приоритетными целями.

¹ Строганов Р. Корпоративная социальная ответственность и привлекательность компании как работодателя / Управление персоналом, 2007, № 18 / URL: [http://www.lawmix.ru/bux/61304/\(04.10.2013\)](http://www.lawmix.ru/bux/61304/(04.10.2013)).

² См.: Благов Ю.Е. Корпорация как моральный агент / Российский журнал менеджмента. Том 4, №4, 2006.

С появлением корпоративной социальной ответственности моральные средства начинают работать во благо человека, экономика начинает определяться моральными нормами. Но если было бы повсеместно так, все пороки современного общества находились бы в музее вместе с другими древностями. Но экономика моральна настолько, насколько того требует основной закон капиталистического способа производства – прибавочная стоимость. Закон прибавочной стоимости как регулятор поведения корпораций с одинаковой силой принуждает их действовать в направлении прибавочной стоимости, а не ответственности. И потому некоторые российские бизнесмены считают, что кроме налогов они «...больше не должны ничего никому, кроме Бога и совести»³.

Противоречия между экономическими законами и законами морали есть противоречия между обществом и той ее частью, которая владеет частной или акционерной собственностью. В обществе частной собственности экономические законы, объективные законы развития общества частной собственности, с принудительной силой оказывают давление на корпорации. Требование быть технологически или финансово обеспокоенными о сохранении окружающей среды, бороться с бедностью и болезнями – это требование не только практически затруднительно в капиталистическом обществе, но для некоторых корпораций не выполнимо вовсе, особенно в годы экономических кризисов, когда воочию встает вопрос о существовании общества частной собственности.

Сегодня капиталистическая система отношений, товарный обмен, обмен продуктами, обмен техникой и технологией, научными разработками и услугами являются необходимой формой общения между корпорациями и народами. Но при этом ни одна страна, ни один бизнесмен не может совершить социальное самоубийство – совершить обмен своим продуктом, техникой и технологией, научными разработками и услугами ниже региональных издержек или с минимальной для себя прибылью.

³ Пушков А.К. Реставрация – неизбежность как необходимость // Литературная газета. 2004. 10–16 ноября.

Отсутствие повсеместной укорененности корпоративной социальной ответственности как нравственного принципа в деятельности корпораций, свидетельствует о том, что со стороны гражданского общества контроль над деятельностью корпораций в окружающей природной и социальной среде невозможен вне рамок конкуренции, вне борьбы и конфликта. Конкуренция слабых корпораций с сильными, а сильных со слабыми, порождает требование ответственности от корпораций. В случае монополизации отдельными корпорациями экономической и социальной жизни позволяет им осуществлять свою производственную деятельность без оглядки на их же разрушительные последствия.

Если порождение Корпоративной социальной ответственности было связано с борьбой сильных корпораций против слабых, то сегодня КСО выступает также орудием борьбы слабых корпораций против сильных. Каждая сторона конфликта (сильные и слабые корпорации) находят в социальной ответственности корпораций средство морального воздействия друг на друга, с целью сформировать необходимое и выгодное общественное мнение, представить ту или иную компанию как морально безответственную и тем самым убедить потребителей в том, что продукты нравственной компании привлекательнее. Убедить в том, что социальная ответственность компании, следующей принципам устойчивого развития «... становится важным фактором, определяющим желание сотрудников работать в данной компании»⁴. Убедить в том, что компания, не отвечающая принципам КСО, не достойна того, чтобы о ней упоминали вообще. Так незаметно конкуренция экономическая превращается в нравственную конкуренцию.

Если компания соответствует нравственным критериям, то у этой компании и больше потребителей, и больше инвестиций, больше прибыли, больше экономической и социальной выгоды. Нравственность превращается в обыкновенное средство увеличения экономической выгоды, становится товаром

⁴ Строганов Р. Корпоративная социальная ответственность и привлекательность компании как работодателя / Управление персоналом. 2007. № 18 // URL: [http://www.lawmix.ru/bux/61304/\(04.10.2013\)](http://www.lawmix.ru/bux/61304/(04.10.2013)).

наряду с другими товарами. Быть сегодня ответственной компанией, особенно это относится к компаниям западных стран, значит быть прибыльной компанией⁵. Нравственное чувство народа начинает эксплуатироваться также эффективно, как и его производительные способности. И это в силу того, что в конкурентной борьбе, которой поражено все современное общество социальная ответственность корпораций, а вместе с ней и устойчивое развитие корпораций, есть результат конфликта, борьбы. Тем самым устойчиво развиваться может лишь то, что не является предметом конфликта, ответственным может быть лишь такое действие корпорации, которое укрепляет позиции корпорации в этой борьбе.

В силу того, что КСО предполагает достижение баланса экономических интересов с интересами социальными, то она вместе с тем предполагает сохранение этих интересов и их воспроизводство. В связи с чем предполагается сохранение противоположной направленности действий корпораций в рамках ее ответственного отношения, предполагается следование экономическим законам, которые, опрокидывая волю бизнесменов, с непреодолимой силой требуют от них быть ответственными перед корпорацией. Экономические интересы, которые должны быть сбалансированы с социальными интересами, прежде должны быть действительными экономическими интересами, т.е. интересами производства.

В действительности, и, в силу противоположности экономических и социальных интересов, ответственные действия корпораций различаются по своей направленности. Если они направлены во внутрь корпорации, то эти действия по укреплению внутреннего единства корпорации⁶, по укреплению организации средствами материального и морального воздействия. Если действия корпорации направлены на общество в целом, то эти действия по организации союза с потребителями, как необходимого условия существования корпорации.

⁵ См.: *Стребков А.И., Стребкова О.А.* Медиативные перспективы корпоративной социальной ответственности в современной России // *Конфликтология*. 2013. №3. С. 208.

⁶ См.: *Стребков А.И., Газимагомедов Г.Г.* Конфликтменеджмент в организациях // *Конфликтология: теория и практика*. 2004, №1.

И действия направленные внутрь корпорации, и действия, направленные вовне корпорации есть действия, обоснованные конкурентной борьбой и постоянным конфликтом, в котором корпоративная социальная ответственность играет роль фактора, приводящего конфликтный механизм в действие, и средства его разрешения одновременно. Корпоративная социальная ответственность разрешает конфликт, с целью создание благоприятных внешних по отношению к корпорации условий, опять же укрепляющих экономические позиции корпорации в конкурентной борьбе. При этом корпоративная социальная ответственность предлагает иную систему отношений между корпорациями, основанную на нравственных принципах, или, по крайней мере, обусловленную ими.

Ответственность как социальное действие, действие, направленное на благо общества в целом, будь то окружающая среда, борьба с бедностью и болезнями, тогда становится действительным действием современной корпорации, когда оно приносит ей дополнительные дивиденды в конкурентной борьбе. В противном случае все действия корпорации вовне, не приносящие ей дивидендов, есть действия безответственные по отношению к своему собственному бизнесу. Поэтому для корпорации необходима мера ответственности, т.е. критерии, согласно которым экономический интерес приходит в соответствие с требованиями общества.

Эти критерии разрабатываются либо государством, либо организациями самих предпринимателей на локальном или международном уровне. Институционализация корпоративной социальной ответственности будь то политико-правовая институционализация, или социальная институционализация, на локальном или международном уровне есть признание со стороны корпоративного сообщества приоритетности социальных интересов над частными.

Корпоративная социальная ответственность, как некоторое признанное и обязательное отношение для корпорации, став институцией, устанавливает, с одной стороны, равные условия функционирования корпорации, а с другой стороны, барьеры на пути вхождения бизнеса в качестве равноправного участника игры на поле экономики. Входной билет

в международный бизнес становится дорогим, а тем самым становится недоступным для многих, чей инвестиционный потенциал незначителен.

Государство, осуществляя правовое регулирование, разрабатывает необходимую совокупность критериев, которым должен соответствовать современный бизнес. Этим оно ограничивает пространство конкурентной борьбы и создает единую правовую основу ведения бизнеса, устанавливает правовое равенство конкурирующих организаций, но такое равенство, при котором оно превращается в фактическое неравенство, не дающее возможность войти в бизнес опять же тем, инвестиционный потенциал которых незначительный.

Особенности понимания КСО можно рассмотреть на примере деятельности Международного Комитета по Корпоративной социальной ответственности, возникший в результате совместной деятельности национальных организаций по качеству России, Украины, Казахстана и Сербии. Им утверждаются критерии ответственности организаций, которые сегодня включены в Международный стандарт IC CSR 26000 : 2011 (далее Стандарт – Авт.), взамен разработанного ранее стандарта CSR/КСО – 2008.

В данном Стандарте указывается, что «возникло и прочно утвердилось понятие о *социальной ответственности* организаций, которая в общем случае включает производство продукции и оказание услуг надлежащего качества, удовлетворение интересов потребителей, соблюдение прав персонала на труд, выполнение требований к безопасности и гигиене труда, к промышленной безопасности и охране окружающей среды, ресурсосбережению, участие в социальных мероприятиях и поддержке инициатив местного сообщества, добросовестное ведение бизнеса»⁷. Под социальной ответственностью (social responsibility) понимается «ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое:

- содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества;

⁷ Социальная ответственность организации. Требования. Международный стандарт IC CSR 26000 : 2011// URL:http://www.amu.kz/smk-so/files/standartSO_IC%20CSR_26000.pdf (05.10.2013).

- учитывает ожидания заинтересованных сторон;
- соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения;
- интегрировано в деятельность всей организации и применяется в ее взаимоотношениях»⁸.

Этическая сущность социальной ответственности, согласно Стандарту, в этическом поведении, которое связано с содействием устойчивому развитию, в поддержании здоровья и благосостояния общества, в учете ожиданий заинтересованных сторон, соответствует применяемому локальному законодательству и согласуется с международными нормами, и интегрировано в деятельность всей организации и применяется в ее взаимоотношениях. В России «на сегодняшний день все большее количество предприятий, в особенности крупных, начинают по собственной инициативе обращаться к концепции корпоративной социальной ответственности. Это связано с рядом факторов. Во-первых, большинство российских крупных компаний вышли на внешние рынки, что заставляет их соответствовать международным требованиям и стандартам, в том числе в области КСО. Во-вторых, многие бизнесмены понимают, что социальная ответственность не является чистой благотворительностью или пиар-кампанией, а служит системой управления рисками, направленной на долгосрочное развитие бизнеса и рост его стоимости на мировых финансовых рынках»⁹.

Увеличение роста компаний, обращающихся к концепции корпоративной социальной ответственности, окажет влияние на их этическое поведение, как за пределами корпораций, так и внутри последних. Однако корпоративная социальная ответственность становится нормой для тех корпораций, у которых для перехода на Стандарт КСО имеются соответствующие инвестиции, т.е. деньги необходимые для «внутренней интегрированности в корпорацию этического поведения и внешнего воздействия решений и деятельности».

⁸ Там же. (05.10.2013).

⁹ Корпоративная социальная ответственность. Оценка и развитие ответственной компании Сибирского федерального округа // URL: <http://www.csjournal.com/lib/169-korporativnaja-socialnaja-otvetstvennost-ocenka.html> (05.10.2013).

Этическая проблема социальной ответственности для многих корпораций превращается в экономическую проблему. Отсутствие инвестиций является сдерживающим фактором развития КСО, потому она сохраняет свое значение фактора и основного инструмента конкурентной борьбы, есть вполне оправданный экономическими интересами развитых стран способ не явной, прикрытой нравственными ценностями, международной эксплуатации. Но эта экономическая подоплека корпоративной социальной ответственности ничуть не снижает ее нравственного потенциала для общества в целом.

Требования Стандарта есть требования вполне развитого и ценящего свое достоинство общества, есть показатель нравственности бизнеса и всей национальной экономики. КСО есть достаточно разветвленная система нравственных норм, указывающих перспективное направление развитие корпорация – рост благосостояния общества, средствами, не унижающими достоинство человека, ограничивающими произвол собственников, экономический интерес которых, следуя законам прибавочной стоимости, находится в постоянном противоречии с нравственными устоями общества.

Увеличение издержек корпорации на содержание общества, роста его благосостояния и здоровья, на охрану окружающей среды, есть увеличение нравственного, человеческого потенциала корпораций, есть попытка преодолеть законы частной собственности, а тем самым преодолеть частнособственнический инстинкт народа, до сих пор являющийся основой его частной воли, его действий и сознания.

Корпоративная социальная ответственность как инструмент приобретения дополнительных конкурентных преимуществ экономически сильными корпорациями, как инструмент борьбы сильных компаний против вновь нарождающихся корпораций, сегодня приобрела иное внутреннее содержание, превратилась в мощный нравственно-экономический инструмент контроля общества над корпорациями, в инструмент согласования экономических интересов отдельных корпораций с интересами всего общества. Повсеместное распространение КСО есть преддверие такого состояния общества, в котором нравственность приобретет значение основных скрепов общественного устройства.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА

3

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТРУДОВОЙ МОРАЛИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*.

Л.И. Бондаренко, Е.А. Овчинникова

Современный политический дискурс в России строится на традиционных основаниях: труд и капитал рассматриваются как базовые явления, которые должны особым образом объединиться и привести страну к благополучию. Несмотря на то, что для реализации этой задачи существует множество рецептов, её успешное решение невозможно без развития нравственных инструментов саморегуляции труда и исследований в области трудовой морали.

Можно с уверенностью констатировать тот факт, что трудовая мораль внутренне противоречива, в ней часто смещаются смысловые акценты. В истории культуры представлены разные трактовки труда. Труд как проклятие, наказание, как творческая созидательная деятельность, инструмент самореализации личности, воплощение мечты о безграничном совершенствовании мира и самосовершенствовании человека, множество других позиций. В сферу нравственной оценки труда включались его виды, коллективные и индивидуальные формы, сам характер труда, многообразные нравственные отношения, формировавшиеся в трудовом процессе. Широкая панорама изучения труда имеет место в экономических, политических, медико-биологических и социальных науках. Что же касается этики, то здесь остро назрела потребность системного теоретического анализа трудовой морали, которая сейчас в нашей стране развивается в принципиально новом социально-экономическом контексте.

Труд, как известно, – преобразовательная деятельность, формы которой радикально менялись в истории человечества: от палки-копалки, одиночки ремесленника или крестья-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-03-00505.

нина, к мануфактуре и дальше к громадам заводов и фабрик. Производительный труд – источник богатства народов. Индустриализация вывела человечество на новый уровень развития, но в настоящее время стало резко меняться отношение к недавней индустриальной истории. Производство чаще всего расценивается как вредное для здоровья работников и окружающей среды, как сфера жизнедеятельности общества, разрушающая высшую нравственную ценность – жизнь человека. Бывшие заводы, фабрики, электростанции, сараи, фермы и кузницы переоборудуются под выставочные и концертные залы, музеи и гостиницы, жилые дома. В рамках этого процесса сформировались не только новые эстетические вкусы и направления в современном искусстве, но и стала перестраиваться ценностная шкала нравственного отношения к производительному труду. В общественном сознании шкала ценности разных форм профессионального труда стала разворачиваться в обратном направлении – от массового производства к изделию ручной работы; от фабрики к мануфактуре, а от неё к ремесленной мастерской и одиночке-мастеру. Мода на сделанный вручную шедевр растет, этот товар ценится существенно дороже, чем сделанный серийно, на фабрике или заводе. Стало модным проводить отпуска на крестьянских дворах, чтобы, отдыхая пройти урок труда. Рестораны открывают кухню, делая труд повара зримым. Публика уходит из театральных и выставочных залов, но стремится на генеральные репетиции и в мастерские художников, чтобы со стороны наблюдать сам процесс творческого труда, который кажется интереснее, чем результат. Образцы трудовой деятельности переходят в сферу развлечения. Обучающие игры стали неотъемлемой частью учебного процесса в школе. Труд, вызывающий напряжение физических и интеллектуальных сил человека теперь чаще пугает. Трудовая мораль из целерациональной сферы регуляции стала перемещаться в область субъективных ценностных ориентаций, обеспечивая самоактуализацию личности. Несмотря на то, что преобладающее большинство типов социальных систем ориентированы на рост производства, обыденное сознание продуцирует неоднозначные нравственные позиции в его оценке. В этике

остро назрела необходимость системной теоретической концептуализации исследований исторического и эмпирического материала в сфере трудовой морали.

В истории этики при изучении трудовой морали традиционно использовался эмпирический подход. В фольклорной традиции сохранились поговорки, сказки, разнообразные нравоучительные тексты, жития святых, в которых трудовая деятельность человека рассматривалась как сфера нравственных отношений, а отдельные аспекты труда наделялись моральными характеристиками¹. Яркая образность текстов такого рода, их моралистический, назидательный характер, бесспорно, обеспечивали усвоение норм трудовой морали благодаря механизму культурного подражания, но отсутствие в данном подходе аналитики, понятийного толкования, специальных фактофиксирующих процедур не соответствует современным критериям научной достоверности. Нарастание объема таких описаний расценивалось как стремление к полноте охвата и прояснению сущности нравственных аспектов труда. Ни в коей мере не умаляя значения эмпирического подхода, необходимо отметить, что он фиксировал нравственную составляющую труда как абсолютно очевидную и легкодоступную описанию реальность.

Эмпирические описательные работы не были лишены оценочных суждений, авторских позиций. Трудовая деятельность освещалась как своеобразный набор положительных или отрицательных примеров. Выбор их чаще всего был случайным, фрагментарным, недостаточно обоснованным. Наиболее актуальной проблема уяснения характеристик трудовой морали в отечественной культуре разворачивается с 90-х гг., что объясняется перестройкой экономических и социальных отношений, влиянием западных образцов и моделей и

¹ *Верховин В.И.* Модели экономического поведения и их вербализация в русском народном фольклоре // Мир России. 2001, № 1; *Иваницкий В.* Архетипы успеха и русская сказка // Знание – сила. 1997, № 8–10; *Ростовцева Л.И.* Поведение потребителей в пословицах и поговорках // Социологические исследования. 2004, № 4; *Рейтов Е.В.* Земля как ценность в русских пословицах // Социологические исследования. 2002, № 9.

стремлением в связи с этим отразить национальные традиции трудовой морали. Этот процесс изучения, рефлексии и концептуализации трудовой морали был обоюдным, как со стороны отечественных, так и зарубежных исследователей. Отечественные исследователи стремились выйти на уровень обнаружения механизмов, ценностных оснований социальной нормативности трудовой морали. В зарубежных исследованиях это представлялось скорее как поиск ответа на вопрос о загадочной русской душе, непредсказуемости трудового поведения русского человека и нерациональных основаниях трудовой мотивации². Все это приводило к созданию некоторых устойчивых мифологем, при помощи которых стремились описать амбивалентность ценностных оснований и нормативных практик.

Другим инструментом в аналитике труда является детерминистский подход. Потребность выстроить концептуальные основания в изучении трудовой морали приводит к изучению возможностей детерминистского подхода. Убеждение, что развитие трудовой морали обусловлено внешними причинами стимулировало поиск этих причин. В результате появился сложный комплекс теоретических моделей нравственного обоснования трудовой деятельности. Разного рода концепции абсолютизировали чаще всего один из социальных факторов, и полемика разворачивалась лишь по вопросу его выбора. Формировалась установка на то, что трудовая мораль обусловлена объективными закономерностями развития общества. Детерминистские концепции трудовой морали позволяли включить её в общую систему развития общества, где каждый элемент объясним с точки зрения целого. В рамках марксистской теории формационного развития социума абсолютизировалась экономика, как базовое основание развития нравственности³. В классическом исследовании трудовой

² *Биллингтон Дж.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Руломино. 2001.

³ *Жижко Е.В.* Российская трудовая этика в социально-психологическом контексте экономической реформы // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / Отв. Ред. Бутенко Н.А. М.6 МОНФ. 2000.

морали Макса Вебера рассматривается в качестве доминанты религиозное сознание⁴. Представление о жесткой зависимости трудовой морали от типа государственного правления, политики так же достаточно популярны. Наряду с неоспоримыми достоинствами, серьёзными эвристическими возможностями данный подход демонстрирует и существенные недостатки: упрощаются и схематизируются истоки формирования трудовой морали, уходит из поля зрения исследователей специфика трудовой морали как самоорганизующейся системы.

Рассматривая сложившиеся в исследовательской традиции модели трудовой морали нельзя не отметить работы, выполненные в культурологическом ключе, где мораль включена в широкий культурный контекст. В рамках этого подхода сформировалось базовое понятие «трудовая культура», позволяющее включить в исследовательское поле этнические, национальные, региональные особенности трудовой морали.

За последнее десятилетие появилось немало исследований, в которых проблема трудовой морали рассматривается с социологической, экономической, социально-философской позиций. Авторами выделяются факторы, определяющие своеобразие трудовой морали: такие, как исторический, этнический, религиозный, при этом следует заметить, что речь не идет о построении собственно этических моделей трудовой морали, т.е. выделения морали как образующего начала. В обстоятельном исследовании О.И. Шкаратана и В.В. Кара-

⁴ В последние десятилетия появилось немало исследований, рассматривающих влияние христианства и, прежде всего, православия на трудовую культуру и мораль: *Афанасьев Э.О.* О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики // Вопросы экономики. 1993, № 8; *Зарубина Н.Н.* Православный предприниматель в зеркале русской культуры // Общественные науки и современность. 2001, № 5; *Коваль Т.Е.* Православная этика труда // Мир России. 1994, № 2; *Коваль Т.Е.* «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие. Католицизм. Протестантизм. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 1994; *Фальцман В.* Российское предпринимательство с позиций христианской морали // Вопросы экономики. 2000, № 8.

чаровского «Русская трудовая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития» (Мир России. 2002. № 1) рассматриваются следующие факторы, определившие формирование специфических черт русской трудовой культуры: цивилизационно-экономический, гео-климатический, этноэкологический, этноконфессиональный.

Такого рода исследования формируют потребность в интегративном этическом концепте «трудовая мораль». Именно в поле этических исследований возможно осуществление единого подхода, включающего все достижения и наработки социо-гуманитарного знания. Этика позволяет учесть и интегрировать все сложившиеся подходы к изучению концепта «трудовой морали» и выстроить принципиально новую типологию.

На основе анализа уже имеющегося опыта рассмотрения трудовой морали можно провести концептуализацию по следующим основаниям: ценностным, затрагивающим мотивационную сферу труда; генезису (выделению исторических этапов с анализом института преемственности); по субъекту трудовых отношений (индивидуальный, профессиональный, корпоративный субъекты); по оси новация-традиция, региональному, включающему этническое, конфессиональное и геополитическое своеобразие трудовой морали.

Концепт «трудовая мораль» охватывает сложную систему нравственных взаимодействий, в которую включаются отношения труд и земля, труд и собственность, труд и власть.

В перспективе построения теоретических моделей трудовой морали выстраивается блок проблем в мотивации труда, иерархии ценностей, роль труда как социального регулятора, проблема героического и повседневного в трудовой морали, труд как работа, служба и служение (служба для получения чинов и служение для обретения славы), гендерные проблемы и стереотипы, труд и воспитание.

Концептуализация трудовой морали служит основанием для дальнейшего рассмотрения проблем профессиональной этики, выхода в более широкое пространство прикладных этических исследований.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРИНУЖДЕНИЯ К ТРУДУ ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ*

А.С. Ковалева, И.Ю. Ларионов

В статье рассматривается принуждение к труду и мотивация трудового поведения как проблема деловой этики в области отношений работника и руководства. Показывается, что правовое регулирование, исходящее из представления о взаимной заинтересованности изначально рациональных и свободных индивидов, в данной области оказывается недостаточным. Выделяются и описываются признаки и негативные последствия (гуманитарная деградация) чисто правового подхода к мотивации к труду, описывается ситуация «этического вакуума», чрезмерной бюрократизации, злоупотребления современными гибкими схемами организации труда, заключающие в себе принуждение. Реальный механизм организации труда и отношений в трудовом коллективе следует рассматривать как сложное социальное явление, требующее, в частности, гуманизации трудовых отношений и развитие представлений о личности, самораскрывающейся в контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности, т.е. как о моральном агенте. В качестве путей институционализации этих принципов, а также их реализации в управленческой практике предлагается внедрение этического кодекса, грейддинг и управление по целям.

Принуждение к труду, наряду с дискриминацией, остается одной из важных проблем деловой этики в области отношений работника и руководства организации. Данная область является предметом правового регулирования, однако это вовсе не значит, что в обращении к ней для этики бизнеса нет необходимости. С одной стороны, исследование этой темы позволяет рассмотреть возможные связи этики и права, а также возможные решения по институализации неправовых, моральных принципов. Помимо этого, для деловой этики как

* РГНФ №12-03-00505 «Институализация нравственных регулятивов в профессиональных и прикладных этиках (этико-философский анализ)».

прикладной этики важен анализ случаев, в которых правовые принципы напрямую не нарушаются, однако работник очевидно страдает. Возможности моральной регуляции как метода избегания принуждения к труду позволяет выявить такую важную функцию моральных принципов, как мотивационную.

Представление о договоре как одном из универсальных регуляторов деловых и трудовых отношений, основанном на взаимной заинтересованности сторон, можно назвать общепринятым¹. Заключение контракта наемным работником и работодателем ставит целью, с одной стороны, реализацию и защиту экономического интереса, с другой, – подразумевает свободную волю участников соглашения и исполнение обязательств, оговоренных трудовым договором.

Идея договора отражает важное для деловой этики восприятие социального контекста бизнеса как системы взаимозаинтересованных сторон. Представление же о возможности обоюдного соблюдения заключенных в договоре обязательств основано на допущении естественного стремления каждого человека к реализации на свободном рынке собственного интереса. Это допущение исторически связано с договорной моделью общества, родоначальником которой были Т. Гоббс и Дж. Локк, а также с идеей свободной саморегулирующейся экономики А. Смита. При этом договорная модель общества предполагает *рациональное* поведение индивидов в экономической и политической жизни, а их добровольный отказ от части так или иначе понимаемых естественных возможностей и свобод порождает *право* как инструмент регуляции совместной жизни людей. Содержание права, таким образом, в данном случае принципиально не противоречит важнейшим моральными принципам, разделяемым вступившими в свободное соглашение людьми, а само право может рассматриваться как важнейший инструмент институализации этих принципов.

¹ См. напр.: Воронаева Н. Договорные отношения в системе экономического механизма хозяйствования // КАРО. 1999, №9-10 // <http://gras.oryol.ru/CARO/1999-09/14.html>.

Данные положения, однако, на практике оказываются нереализуемыми в полной мере и опровергаются постоянным поиском сторонами различных возможностей обойти, а иногда и напрямую нарушить условия договора ради собственной выгоды вопреки цели реализации общего блага или честной и надежной кооперации. Собственно, само столкновение собственных интересов наемного работника и предприятия порождает такие проблемы деловой этики, как принуждение к труду и трудовая мотивация, коррупция, трудовая дискриминация и нарушение прав человека, а также проблемы лояльности персонала, нарушения профессиональной тайны, злоупотребления корпоративными ресурсами и т.п.²

О недостаточности указанных систем регуляции в сфере трудовых отношений говорит, например, П. Козловски в работе «Принципы этической экономики». Он справедливо указывает, что повседневность отношений между работодателем и работником сопровождается неопределенностью и неуверенностью в исполнении договора. Таким образом, помимо правовых условий требуются «супергарантии» как выражение доброй воли и доверия участников отношений, которые способны обеспечить соблюдение достигнутых договоренностей. Поэтому «существование крупных фирм с получающими оклад работниками вообще возможно лишь в том случае, когда трудовой договор подразумевает этические отношения доверия между работодателем и наемными работниками. В противном случае было бы необходимо при каждой новой сделке заново нанимать всех работников через рынок труда»³.

С точки зрения Ю. Хабермаса сама рационализация своей жизни достигается человеком не за счет целерационального, а коммуникативного действия. Продуктивный труд представляет собой активность, осмысляемую посредством идеи цели и средств, т.е. посредством инструментального подхода. Од-

² Ibarra-Colado E., Clegg S.R., Rhodes C., Kornberger M. The Ethics of Managerial Subjectivity // Journal of Business Ethics. Vol.64, №1 (Mar., 2006). P.45-55.

³ Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999. С. 34.

нако не все разумные человеческие действия носят инструментальный характер. В коммуникативных действиях другой человек рассматривается не как средство, а как равноправный субъект в более широком понимании, чем правовое. Коммуникативное действие, сопровождающее трудовое действие, требует иную систему принципов и иные пути их легитимации и институализации⁴.

Реальный механизм организации труда и отношений в трудовом коллективе является сложным социальным явлением, где не все может быть формализовано правовым образом. Таким образом, как минимум на повседневном уровне, производственная деятельность требует иной регламентации отношений. Речь не идет об отказе от правового регулирования сферы экономических отношений, а о дополнении этой регуляции иными институализированными средствами.

Распространенная склонность к исключительно правовым способам решения проблем связана с возможностью использовать право как инструмент насилия, основанную на потенциях насилия, заключенных в самой рациональности, одним из воплощений которой служит право. Ситуацию, в которой одна из сторон в поведении, построении отношений и в решении конфликтов ориентируется только на право, можно назвать «этическим вакуумом». Именно в такой ситуации возникает грубое различие между правом и моралью и даже стремление к их поверхностному противопоставлению.

Разумеется, в поиске форм институализации моральных представлений следует помнить, что применение норм морали не лишено особенностей, которые в определенных контекстах будут выглядеть как ее недостатки. Во-первых, выявление нравственной составляющей (особенно посредством индивидуального морального рассуждения и выбора) часто имеет интуитивный характер. Далее, нравственные положения, в отличие от правовых, зачастую формулируются слишком общо, и возникает традиционная проблема применения

⁴ Розенбергс Р. Проблема социального консенсуса в работах Ю. Хабермаса // Общественные науки и современность. 1995, №5. С. 117–120.

их к конкретным случаям. Наконец, может возникнуть тенденция и вовсе свести анализ проблемы к чисто моральному, что неправомерно сузит область управленческих решений.

Методы прямого или косвенного принуждения к труду, принудительные меры повышения качества этого труда, к сожалению, в настоящее время продолжают использоваться. Распространен подход к работнику, трудовое поведение которого требуется мотивировать, как к субъекту, уклоняющемуся от труда вообще, выполнения своих должностных обязанностей в частности, или стремящегося выполнить их как можно проще, легче для себя, с заведомой потерей качества.

Речь в данном случае идет не только о принуждении со стороны государства, но и о подходах к организации труда работника в частных компаниях, где мотивирование часто достигается вовсе не путем согласования его личного интереса с интересами организации, а путем прямого или косвенного принуждения.

Обсуждение данной проблемы ведется очень давно, и, можно сказать, что достигнуто (по крайней мере, в развитых странах) нормативное согласие, нашедшее выражение в законодательных документах. Так, в первых разделах Трудового кодекса Франции подробно говорится о недопустимости дискриминации и различного рода насилия в трудовых отношениях (*partie Ier; livre Ier; titre III, V*). В Трудовом кодексе Российской Федерации (ст.2) запрещение принудительного труда признается одним из основополагающих принципов трудового законодательства (наряду с защитой достоинства работника в период трудовой деятельности, правом на повышение квалификации, запрещением той же дискриминации и обеспечением справедливых условий труда). Таким образом, мы видим четкое соответствие правовых положений и моральных норм, когда можно без преувеличения сказать, что принципы, лежащие в основании права (современного трудового права), имеют существенное этическое содержание.

Несмотря на это, помимо прямого нарушения положений трудового законодательства, работодатель нередко пользуется недостаточно четкими формулировками закона или противоречиями в формулировках (подход «закон – что дыш-

ло...»), а также неизбежными пробелами в законодательстве (поиск «лазеек»)⁵.

Современный отечественный исследователь Б.Г. Прошкин⁶ выделяет следующие симптомы неэффективной регламентации сферы организации труда правовыми механизмами, которые маскируют принуждение:

- запретительный характер издаваемых руководством организации документов, превалирование в них требований, указаний на наведение порядка, дисциплины;

- превалирование указаний на ответственность, риторика обязанностей;

- наличие множества инструкций, распоряжений, постановлений, циркуляров, решений;

- наличие списков лиц, ответственных за контроль, учет качества деятельности, присутствия работника на рабочем месте и т.п.

Отметим, что перечисленные типы регламентирующих документов ориентированы именно на рациональность работника и наличие у него определенного субъективного интереса, который может пострадать в результате неверного выполнения тех или иных требований.

В полной мере отражающее социальную сущность производственных отношений представление о субъекте труда как о личности, носителе индивидуального начала, самораскрывающегося в контекстах социальных отношений, общения и предметной деятельности, а значит, – и как о моральном агенте формируется в связи со стремлением к гуманизации многих сфер жизни. Чисто правовой, а также технократический подход к мотивации труда скрыто содержит ограничен-

⁵ Напр. ст.37 Конституции РФ запрещает применение принудительного труда; в соответствии с ч. 1 ст. 74 ТК РФ работодатель в случае производственной необходимости вправе переводить работника на срок до 1 месяца на не обусловленную трудовым договором работу в той же организации с оплатой труда по выполняемой работе, но не ниже среднего заработка по прежней [Архипов В. Принуждение к труду – сомнительное благо // Домашний адвокат. 2004, №19].

⁶ Прошкин Б.Г. Принуждение как метод трудовой мотивации // Управление персоналом. 2008, №11.

ное понимание личности, негативные последствия которого можно описать как страдание. Представляется возможным предварительно определить это страдание как реакцию на ограничение потребностей человека и личности, экзистенциальной потребности в безопасности и развитии. Конкретнее в сфере трудовых отношений, – как ограничение потребности к профессиональной и личностной самореализации через производящую деятельность, т.е. творчество и труд.

Классическим автором, выявившим антигуманные последствия принуждения к труду, остается К. Маркс, рассматривавший труд не только как необходимую деятельность, направленную на самообеспечение, но как наиболее достойный способ самоутверждения человека. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс выделяет как одно из следствий эксплуатации «отчуждение человека от собственной сущности», а систему, превращающую труд и «человеческий капитал» в товар, называет «замаскированным рабством» (первоначально термин Ч. Лаудона). Осложняет положение также и экономическая зависимость работника (т.е. обратная сторона указанной выше рациональной заинтересованности в труде). «Левая» критика злоупотреблений в данной области продолжается и в наше время⁷.

Выделение и утверждение гуманитарной составляющей принуждения к труду позволяет обратиться также к концепции прав человека. Она, с одной стороны, является действующей моделью в правовом поле, с другой – основана на важнейших ценностях, разделяемых современным мировым сообществом. Следование правам человека закрепляется на таком специфическом правовом уровне, как конституционный. Концепция прав человека, таким образом, может выступать как связующее звено этики и права. Можно отметить, что нарушение прав человека как таковое ярче всего проявляется, а также часто на практике реализуется именно в виде различных форм насилия и принуждения.

⁷ См.напр. анализ использования работодателем объективных ограничений, накладываемых на личность современным обществом в книге: Ezorsky G. Freedom in the Workplace? Cornell University Press, 2007.

В современной отечественной литературе тема гуманитарных последствий принуждения к труду рассмотрена достаточно хорошо (возможно, в этом отражается специфика современной российской организационной культуры).

Т.Г. Озерникова выделяет на основании социологических исследований (Иркутск): значимость мотивов стабильности и защищенности, даже выживания; неразвитость других интересов, связанных с трудовой деятельностью; отказе от стратегических жизненных целей⁸. Б.Г. Прошкин акцентирует, что принуждение к труду основывается на механизме страха человека перед ухудшением удовлетворения уже удовлетворяющихся потребностей. Негативные последствия: пассивность, неуверенность, угодничество, хитрость, мелочность, происходит примитивизация личности.

Следует обратить внимание также на то, что косвенно принуждение к труду, вызывающее негативные гуманитарные последствия, может содержаться в современных управленческих (менеджерских) подходах к организации труда, использующих новые типы организации рабочего времени и современные системы коммуникаций. Постиндустриальная максима освобождения человека от тяжелого монотонного труда, появление гибких схем организации рабочего времени и пространства, оборачиваются новыми формами производственной обусловленности жизни человека.

Изменения в системе организации труда коснулись не только офисных служащих, способ производства которых сегодня обладает очевидной возможностью мобильности и удаленности. Использование схем гибкого рабочего времени стало применяться и в управлении труда промышленных рабочих. Годовая схема расчета рабочего времени («фонд годового рабочего времени») позволила ликвидировать сверхурочные часы и предоставила возможность управляющим предприятий «мобилизовывать» рабочую силу, исходя из текущих нужд производства. Недели или месяцы интенсивной работы могут сменяться периодами вынужденного простоя,

⁸ Озерникова Т.Г. Принуждение к труду в переходной экономике // Вопросы экономики. 2003, № 9.

график работы может попросту отсутствовать, и работник должен быть готов выйти на работу в любую минуту⁹. Наконец, мобильность имеет своим побочным действием обратный эффект: происходит буквально физическое (временное) стирание границ досуга и производственной деятельности, наблюдается все большее проникновение труда во внерабочее время, что превращает как бы свободного и автономного сотрудника во всегда доступное средство труда. Противопоставление рабочего времени свободному, согласно исследованиям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, порождается представлением о необходимости целесообразного использования времени. Однако развитие индустрии свободного времяпрепровождения привело к ресурсному отношению к досугу, его планированию, что также обозначило тенденцию фактического стирания различий между досугом и трудом¹⁰.

Систематическое нарушение в трудовых отношениях базовых прав человека естественным образом приводит к формированию определенного типа протестного мировоззрения (борьбы с «современным рабством», «офисным рабством»), находящего свое выражение в популярных текстах в тематических журналах и Интернет¹¹.

Раскрытые выше проблемы представляется возможным сформулировать в виде дилеммы: *как стимулировать трудовую активность и следить за трудовой дисциплиной, не нарушая при этом права работника и не нанося ему ущерба; каким образом согласовать гуманитарные интересы и потребности сотрудников с интересами бизнеса?*

Системность описанных проблем требует, чтобы реакция на них имела институциональный характер. Традиционно эту

⁹ Попов Ю., Шевчук А. Современная экономика и социология труда. М., 2003. С. 125–126.

¹⁰ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

¹¹ Напр.: <http://www.hr-academy.ru/hrarticle/ofisnoe-rabstvo-v-rossii.html>; http://slon.ru/economics/ofisnyy_ray_ili_ofisnoe_rabstvo-512812.xhtml; Драгунская И. Код завинчивания: офисное рабство в России. М., 2010.

функцию приписывают организациям наемных работников, а также институтам гражданского общества.

Для выработки институциональных решений требуется понимание мотивации трудового поведения человека через постижение и реализацию личностного смысла его труда. Сами управленческие парадигмы должны быть переосмыслены и сориентированы на моральные факторы трудовой мотивации, такие как личностная вовлеченность, организационная справедливость, внутренне диктуемое соучастие работника, что позволяет сделать его труд более осмысленным. Речь идет о соотношении собственной системы ценностей сотрудников с политикой компании-работодателя.

Для этого, с организационной точки зрения, требуется постановка четких производственных целей и формулировка критериев оценки деятельности и карьерного продвижения сотрудников. Данные меры способны в большей степени выступить мотивацией к труду и реализовать стремление работодателя повысить уровень организационной лояльности сотрудников, поскольку демонстрирует отношение работодателя к работнику в качестве самоценного субъекта организационной сети взаимоотношений, обладающим полнотой и разнообразием потребностей и интересов. Значительным потенциалом мотивирующего воздействия в этом отношении обладают такие системы управления персоналом, как «рейтинг» и «управление по целям».¹² Рейтинги (англ. «классификация», «ранжирование») – это создание системы рангов должностей. Ключевой для рейтинга выступает оценка и ранжирование должностей в соответствии с их ценностью

¹² Данные подходы только недавно стали привлекать внимание отечественных менеджеров. О рейтинге см. напр.: *Чемков В.* Рейтинги и управление персоналом // <http://www.hr-portal.ru/varticle/greyding>. *Стародетская О.* Что такое «рейтинг» и кому он нужен? // <http://www.hrm.ru/db/hrm/121F876425E59F01C325734B0053E632/category.html>. «Управление по целям» («Management by Objectives») – система, разработанная еще во второй половине XX в. (Drucker P.F. *The Practice of Management*. 1954. Tosi H.L., Rizzo J.R., Carroll S.J. *Setting Goals In Management By Objectives // California Management Review*. Vol.12, №4 (Summer 1970). P. 70–78).

для организации. Главная цель введения такой системы в компании – управление мотивацией персонала посредством создания справедливой и прозрачной системы компенсации труда. Поскольку каждый рейтинг соответствует определенному уровню значимости должности в сети корпоративных отношений, то продвижение по иерархии рейтингов означает повышение собственной значимости в организации. Подкрепленное соответствующим компенсационным пакетом, оно делает это признание значимости заметным остальным работникам, удовлетворяя тем самым потребность сотрудника в признании. Необходимость процедуры описания и измерения должностей для формирования системы рейтинга также включает в себя четкие критерии оценки соответствия сотрудником занимаемой должности, и, помимо того, дает представление сотруднику о требованиях, предъявляемых к интересующей его позиции. Таким образом, система ранжирования должностей также представляет собой набор желательных образцов поведения, разделяемых корпорацией способов самореализации. Методика «управления по целям» ориентирована на осознанное участие каждого сотрудника в достижении общекорпоративных целей. Данная система подразумевает согласование целей каждого сотрудника с целями подразделения и стратегией развития компании в целом. Цели должны разрабатываться сотрудником и его руководителем совместно, чтобы позволить подчиненному, с одной стороны, проявить свою инициативность, предложить собственный план решения производственных задач, а с другой, – понять ожидания и требования начальника. Т.е. данная методика является также средством внутреннего контроля деятельности компании и оценки результатов работы сотрудников. Согласование имеет также и обратную силу, поскольку оценка деятельности руководителя производится на основе оценки деятельности его подчиненных по критериям, заложенных в «управлении по целям».

Важным инструментом институализации может выступать этический кодекс, который в качестве нормативного документа не только устанавливает нормы и правила поведения, но дает также рекомендации к принятию решений и служит средством для самооценки и самоанализа. Например, в «Ко-

дексе деловой этики» компании «Шелл» содержание понятий равенства возможностей (недопущение дискриминации) и преследования на рабочем месте не только последовательно описывается и раскрывается, но сопровождается указаниями, что это должно значить для отдельного работника, и как он может проверить степень своего соответствия описанным принципам и правилам¹³.

Этический кодекс отвечает также современным тенденциям в подходах к мотивации к труду: переход от принуждения прямого или экономического к психологической и социальной мотивации. Современный этический кодекс обращен к отдельным группам работников и управленцев, описывает реальные практики, учитывает, что источником «плохих» практик может выступить не только индивид, но группа. Таким образом, этический кодекс способен учитывать реальные повседневные отношения в трудовом коллективе как сложное социальное явление. Кодекс регламентирует, фактически, коммуникативные акты; а в пределе – способствует формированию как правовой, так моральной микротрадиции в организации.

В этическом кодексе могут быть также сформулированы определенные ценности, непосредственно апеллирующие к нравственному самосознанию человека: справедливость и достоинство, профессионализм и профессиональное признание, что следует рассматривать в качестве эффективной точкой приложения систем мотивации трудового поведения. Принимая во внимание указанную в начале статьи проблемность модели договорных рыночных отношений в основании управленческой парадигмы, основанной на концепте экономически мотивированного субъекта, следует высоко оценить возможности применения такого этического кодекса, в основании которого будет лежать понятие о мотивации к труду как, в первую очередь, к внутреннему психологическому процессу субъекта в постижении личностного смысла продуктивной деятельности, связанного с разделяемым им моральными принципами.

¹³ <http://www.shell.com/irq/en/aboutshell/who-we-are-/our-values/code-of-conduct.html>.

Литература

1. *Архипов В.* Принуждение к труду – сомнительное благо // Домашний адвокат. 2004, №19.
2. *Виханский О.* Менеджмент: человек, стратегия, организация, процесс. Учебник. М., 2009.
3. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения в 2 тт. Т.2. М., 1991.
4. *Громова Л.А.* Этика управления. Учебно-методическое пособие. СПб., 2007.
5. *Драгунская И.* Код завинчивания: офисное рабство в России. М., 2010.
6. *Козловски П.* Принципы этической экономики. СПб., 1999. С. 34.
7. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
8. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Сочинения в трех томах: Т.3. М., 1988.
9. *Магура М.И.* Приверженность работников своей организации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.03. М., 1999.
10. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд.2. М., 1974. Т.42.
11. *Озерникова Т.Г.* Принуждение к труду в переходной экономике // Вопросы экономики. 2003, №9.
12. *Озерникова Т.Г.* Принуждение к труду и вынужденная мотивация в современной России // Поиск эффективных институтов для России XXI в. Интернет-конференция (27.10-27.12.2003): <http://ecsocman.hse.ru/text/16214927/>
13. *Петров М.* Теория заинтересованных сторон: пути практического применения // Вестник СПбГУ. Сер. 8. 2004. Вып. 2 (№16).
14. *Попов Ю., Шевчук А.* Современная экономика и социология труда. М., 2003. С. 125–126.
15. *Прошкин Б.Г.* Принуждение как метод трудовой мотивации // Управление персоналом. 2008, №11.
16. *Розенбергс Р.* Проблема социального консенсуса в работах Ю. Хабермаса // Общественные науки и современность. 1995, № 5. С. 117–120.
17. *Davis M.* Teaching Moral Responsibility Within Organizations: Are We Doing What We Should? // Business & Professional Ethics Journal. Vol.23, №3 (Fall 2004). P. 77–91.
18. *Ezorsky G.* Freedom in the Workplace? Cornell University Press, 2007.

19. *Ibarra-Colado E., Clegg S.R., Rhodes C., Kornberger M.* The Ethics of Managerial Subjectivity // *Journal of Business Ethics*. Vol.64, №1 (Mar., 2006) P. 45–55.

20. *Pelozo J., Falkenberg L.* The Role of Collaboration in Achieving Corporate Social Responsibility Objectives // *California Management Review*. Vol.51, №3 (Spring 2009). P.95-113.

21. *Tosi H.L., Carroll S.J.* Managerial Reaction to Management by Objectives // *The Academy of Management Journal*. Vol. 11, № 4 (Dec., 1968). P. 415–426.

22. *Tosi H.L., Rizzo J.R., Carroll S.J.* Setting Goals In Management By Objectives // *California Management Review*. Vol. 12, № 4 (Summer 1970). P. 70–78.

ОБЗОРЫ

РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИЙ СЕМИНАР «СЕМЕН ЛЮДВИГОВИЧ ФРАНК: НЕМЕЦКИЙ КОНТЕКСТ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ». ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИИ *

А.В. Малинов, Е.А. Овчинникова

10–11 октября 2013 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошел российско-германский семинар «Семен Людвигович Франк: немецкий контекст русской философии». Организаторами семинара выступили философский факультет СПбГУ, Высшая школа философии (Мюнхен, Германия) и Международный фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ «Интерсоцис». Задумывавшийся как форма знакомства с современными немецкими исследованиями по истории русской философии, в частности, с работами о философии С.Л. Франка, вышедшими в последние годы в Германии, семинар перерос в полноценную международную конференцию, в которой приняли участие известные исследователи русской философии из шести стран (России, Украины, Германии, Швейцарии, Польши, Чехии). Среди иностранных участников конференции были такие крупные специалисты по истории русской философии, как профессор Петер Элен (Мюнхен, Германия), проф. Барбара Халленслебен (Фрейбург, Швейцария). В работе конференции принял участие и ректор Фрейбургского университета (Швейцария) проф. Гвидо Фергауен, выступивший с докладом. Программа семинара включала около 30 докладов, многие из которых сопровождались дискуссиями.

* Обзор выполнен в рамках гранта РФФИ No. 12-03-550.

В выступлении известного немецкого исследователя философского наследия С.Л.Франка профессора Петера Элена «Мыслящее переживание» — Об онтологии религиозного опыта С. Л. Франка» основное внимание было уделено анализу религиозной философии русского мыслителя, отличительной особенностью которой является единство антропологии и онтологии. «Как программно сказано в «Непостижимом» (см. Неп, 443): «Единственная дверь», через которую мы можем проникнуть к безусловному бытию, есть наше «непосредственное самобытие». Современник Франка Мартин Хайдеггер в своей фундаментальной онтологии преследовал ту же цель, пытаясь понять бытие [Sein] из наличного бытия человека [Dasein]. В отличие от Хайдеггера, стремившегося прояснить смысл бытия, размещая его в горизонте времени, Франк в духе традиции неоплатонизма, а также дискутируя с теориями времени П. Наторпа и А. Бергсона, уже в своих ранних текстах пришел к убеждению, что временное не может быть отделено от вневременного, но пронизано им. «Непостижимое», которое в некоторых местах можно рассматривать в качестве контрпроекта по отношению к «Бытию и времени» Хайдеггера, Франк назвал «онтологическим введением в философию религии». При помощи понятия «философия религии» он стремится подчеркнуть, что его целью является не просто философское учение о Боге, но демонстрация того, что получить ответ на вопрос о бытии человека, не осмыслив его отношения к бытию Бога, невозможно. *Единство и различие* человеческого и божественного бытия обнаруживает себя, таким образом, в качестве центрального вопроса философии Франка; а также образует предмет размышлений в его втором основополагающем сочинении «Реальность и человек». «...» Далее в докладе рассматривалась моральная и социальная проблематика философии Франка. «В своей социальной философии Франк описывает основное религиозное чувство как опыт, «сопринадлежности к целому, которое не извне окружает человеческую личность, а изнутри объединяет и наполняет ее». Этот основной опыт, открывающий нам, что мы в своем самобытии простираемся в «таинственные, охватывающие нашу личность глубинах бытия», может появиться

ся в совершенно обыденных ситуациях. От поверхностного и преходящего прикосновения к Абсолютному или Божественному он может углубляться вплоть до мистического опыта присутствия божественного «Ты» во всех вещах. Свидетелем последнего вида опыта является св. Франциск Азисский. В качестве примеров опытов первого типа Франк называет переживание общности «домашнего очага», совместную трапезу, живое воспоминание о предках и, не в последнюю очередь, живое знание о жизненной судьбе, пережитой вместе с друзьями. В завершении доклада прозвучали основные выводы: «Суть франковской онтологии религиозного опыта выражается в одном предложении, которое он сделал эпиграфом для своей философии религии: *attingitur inattingibile inattingibiliter* – неприкосновенная божественная тайна может быть постигнута посредством неприкосновения (Николай Кузанский). Онтология Франка является *трансцендентальной философией* в том смысле, что она «трансцендирует» за границы предметной действительности и в своем стремлении понять условия предметности направляется к основам рационального мышления».

Аналізу религиозно-философской мысли С.Л. Франка было посвящено выступление профессора *Барбары Халленслебен* (Институт экуменических исследований университета г. Фрейбурга, Швейцария). В докладе была проанализирована работа Франка «С нами Бог. Три размышления».

Проблеме определения концепта «живое знание» в философии С.Л.Франка был посвящен доклад доктора философских наук *Г.Е. Аляева* (Полтавский технический университет, Украина). Известный исследователь творчества С.Л.Франка представил участникам семинара свои монографии и сборники статей украинских исследователей русской философии.

Кандидат философских наук *Л.В. Довыденко* (Калининград) проанализировала в своем выступлении «трансфинитное» в «Непостижимом» С.Л.Франка.

«Проблема времени у С.Л.Франка» – тема доклада кандидата философских наук *Т.Н. Резвых* (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва).

Философия религии С.Л.Франка была представлена в докладах доктора философских наук *С.Н. Астапова* (Южный фе-

деральный университет, г. Ростов-на-Дону) – тема доклада «Познание Бога как проблема философии религии С.Л.Франка» и доктора философских наук *А.В. Усачева* (Елецкий государственный университет им. И.А.Бунина) – тема доклада «Религиозно-философский синтез в поздних трудах С.Л.Франка».

В выступлениях и дискуссиях участников семинара философское наследие С.Л.Франка рассматривалось в широком контексте европейской философской мысли. Это доклад *Терезы Оболевич* (Университет Иоанна Павла II, Краков, Польша) «От неокантианства к онтологизму», профессора Санкт-Петербургского государственного университета *О.Э. Душина* «"Онтологический" аргумент в интерпретации С.Л. Франка», магистра *Дениса Штаммера* (Высшая школа философии, Мюнхен, Германия) «Динамическая онтология, основанная на опыте субъекта: С.Л.Франк и А.Н.Уайтхед», *Ю.В. Колесниченко* (Университет Яна Евангелиста Пуркине, г. Усти-над-Лабем, Чехия) «Религиозные основы русского мировоззрения: С.Л.Франк и Т.Г. Масарик», профессора Санкт-Петербургского государственного университета *И.И. Евлампиева* «С. Франк и мистическая традиция в европейской философии».

Актуально прозвучали выступления, посвященные социально-философской проблематике учения С.Л. Франка. В докладе профессора *Гвидо Фергаувена* (директор Института экуменических исследований, ректор Фрейбургского университета, Швейцария) был представлен анализ христианского социального учения в современном секулярном обществе. В докладе была подчеркнута необходимость актуального прочтения социально-философской концепции С.Л. Франка.

В докладе доцента Санкт-Петербургского государственного университета *Л.А. Орнатской* представлено понимание онтологического основания общества в концепции С.Л. Франка. Автор стремится актуализировать проблему «Я» и «Ты», представленную в учении философа: «сформулированная как самостоятельная проблема ещё во второй половине XIX века, в начале XX века ещё не получила должного теоретического обоснования. Её легитимизация, включение в общефилософскую тематику шла зачастую окольными путями – как в европейской, так и в отечественной литературе. С.Л. Франк раз-

рабатывает эту проблему не по «касательной», отношение к чужому «Я» интересует его принципиально, им определяются фундаментальные основания его гносеологии, метафизики, социальной философии, этики, философии религии. Особое внимание он уделяет ей при обосновании онтологической природы общества и определении основных направлений «реформы бытия». ... Франк делает вывод, что общество – это форма человеческой жизни, которая возникает не из чисто утилитарных потребностей. Человеческая жизнь во всех её областях (семейной, экономической, научной, религиозной и т.д.) – это выражение онтологического единства человеческого бытия. Человек по своему существу немислим иначе, как в качестве члена общества».

В продолжение и развитие этой проблематики прозвучал доклад доцента Санкт-Петербургского государственного университета *Е.К. Краснухиной* «С. Франк и М. Бубер: философия отношения Я–Ты», в котором был дан сравнительный анализ теоретических оснований идей С. Франка и М. Бубера через ряд местоимений «Я», «Ты», «Оно», «Мы», возведенных на уровень категориального аппарата философии.

В докладе доцента *Т.И. Лузиной* (Санкт-Петербургский государственный университет) «С.Л. Франк о религиозных исканиях Д.С.Мережковского» рассматривалось отношение Франка к понятию религиозной общественности, представленному в воззрениях Мережковского и его единомышленников.

В докладе *Т.Ю. Барташевич*, ассистента кафедры этики Санкт-Петербургского государственного университета «Концептуализация «общественной морали» в учении С.Л. Франка» (доклад был подготовлен в рамках Гранта РГНФ № 12-03-00550) дается анализ социальной этики С.Л.Франка: «Сегодняшняя конференция послужила поводом обратиться к проблеме общественной морали несколько в другом ключе. Дело в том, что в своих исследованиях концепта «общественная мораль» современные отечественные авторы опираются преимущественно на западный опыт, обращаются к теоретическим основаниям концепций утилитаризма, прагматизма, отдавая приоритет правовой регуляции, способной работать вполне автономно по отношению к индивидуальной морали.

Остается не включенной в контекст современного обсуждения проблемы традиция русской мысли, которая, на наш взгляд, дает богатый материал для концептуализации «общественной морали». Можно утверждать, что общественная мораль оказывается в центре внимания русской мысли, которая стремилась определенным образом решить кантовскую проблему морального субъекта, с одной стороны, и выйти к социальному бытию человека, с другой. Одно из решений данной антиномии предлагает С.Л. Франк».

Проблема личности, индивидуальности в философской системе С.Л.Франка рассматривалась в ряде выступлений: доктора теологии *Иржни Хоблика* (Университет Яна Евангелиста Пуркине, г. Усти-над-Лабем, Чехия) «Религиозные корни понятия индивидуальности у С. Франка» (к реабилитации индивидуальности, о которой говорилось еще в еврейской древности), доктора философии *Л. Налдониовой* (Остравский университет, Чехия) «О идеи сверхчеловечества и богочеловечества у С. Л. Франка в контексте историософского процесса».

Немецкий контекст русской философии был представлен в ряде докладов.

Концепция С.Л. Франка, как и многих русских мыслителей, формировалась во многом под влиянием немецкой философской традиции. Известным фактом биографии философа является учеба в 1899-1901 гг. в Берлинском университете. В эмиграции С.Л.Франк преподавал в Берлинском университете, был членом Общества им. Канта, читал ряд докладов о связи русской и немецкой философии, подчеркивая, что его основной тезис – «*die Wahlverwandschaft*», т.е. частичное родство русского и немецкого духа. В рамках семинара предполагалось показать более широко немецкий контекст русской философии. Этой проблематике было посвящено несколько выступлений.

Профессор *А.В. Малинов* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Русский онтологизм как критика немецкого трансцендентализма». Выдвинутая С.Л. Франком задача – объединение онтологии и гносеологии, — скорее всего может быть разрешена в ином, как «нейтральном», так и более

«широком» контексте — философской антропологии... «Онтологический» взгляд на проблемы теории познания связан с определенной историко-философской традицией. Безусловно, мысль русских философов направлялась не только логикой стоявшей перед ними проблемы, но и конкретным духовным, культурным, эпистемологическим контекстом. Так, в той или иной трактовке умозрения в учениях русских мыслителей можно усмотреть близость к концепциям чувственной интуиции в англо-американском реализме (Р.Б. Перри и др.) или к учению Ф. Шеллинга об интеллектуальной интуиции, понимаемой как абсолютное знание об абсолютном. Кроме того, далеко не всегда теоретическое рассмотрение, спекулятивно обосновывающее господство разума, выступало целью исследования. Рассудочные построения могли служить лишь дискурсивным предуготовлением к духовно-экзистенциальной практике, мистическому опыту, как, например, в случае с И.В. Киреевским. Исторические основания онтологизирующих учений русских философов следует искать в античной философии, в общем для греческой мысли онтологическом настрое, прежде всего в учениях Платона и Аристотеля. Критикуя ставшую уже классической субъективную германскую гносеологию или ссылаясь на модный французский интуитивизм, русские философы ближе всего оказались к онтологически ориентированным открытиям и парадоксам античной мысли. Наиболее отчетливо тематическая связь с платоновской традицией обнаруживается, например, в философии С.Л. Франка (учение о познании, учение о бытии, учение о душе), хотя наиболее значительным платоником на русской почве был все же Вл. Соловьев, в то время как интенция самозмышления в скупых теоретических построениях славянофилов ближе всего положениям аристотелевской ноологии, несмотря на явный критический настрой, провоцирующий мысль и вызывающий негативный пафос неприятия ново-европейского образа мыслей».

Кандидат философских наук, доцент *И.Г. Свешникова* (Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства) в докладе «Немецкая этическая традиция в России (Л.М. Лопатин)» обратилась к выявлению немецкой традиции в университетской философии в России конца

XIX – начала XX вв.. На основе анализа взглядов профессора Московского университета Л.М.Лопатина автор показала влияние немецкой философии, прежде всего кантианской традиции на университетскую философскую мысль России.

Доцент *Е.А.Овчинникова* (Санкт-Петербургский государственный университет) в докладе «Формирование этики как учебной дисциплины: немецкий контекст российского образования» (доклад подготовлен в рамках гранта РФФИ № 12-03-00550) показала влияние немецкой философской традиции на формирование теоретической этики в России на протяжении XVIII–XIX веков. Основное внимание было уделено концепциям Х.Вольфа и И.Канта. На дисциплинарное оформление этики в России в XVIII веке повлияла философская система Х. Вольфа. С конца XVIII века этическое знание в России во многом определяется моральной философией И. Канта, что нашло свое выражение в предметном построении теоретической этики в России. Дисциплинарно этика в России складывается преимущественно под влиянием немецкой традиции, что объясняется, прежде всего, ориентированностью в построении университетского образования на немецкие образцы. Это сказывается на характере построения курсов, издании переводных учебников для университетов и гимназий и формированием определенной философской традиции и культуры.

Философское наследие С.Л. Франка в рамках проходившего семинара было представлено с разных точек зрения и позиций. Наиболее оживленную дискуссию вызвал доклад профессора *А.И. Бродского* (Санкт-Петербургский государственный университет) «Мораль и насилие в этике С.Л.Франка», в котором была представлена критика морали Франком.

К докладам, имеющим несомненный историографический интерес можно отнести выступление доктора филологических наук *С.А. Кибальника* (Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН). «С.Л. Франк как исследователь художественной литературы» и обстоятельный доклад кандидата философских наук *О.А. Назаровой* (Высшая школа философии, Мюнхен, Германия) «Современные немецкие исследования творчества С.Л. Франка».